

Елена Арсеньева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

БЗ

Долг оборотня

Твой личный кошмар

Дерево душ

Большая книга ужасов

Елена Арсеньева

**Большая книга
ужасов – 63 (сборник)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Большая книга ужасов – 63 (сборник) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (Большая книга ужасов)

ISBN 978-5-699-74226-4

«Долг оборотня» Это была самая красивая девчонка на свете! Длинные черные косы, сказочные зеленые-презеленые глаза. И вся такая тонкая – черные джинсы, майка и балетки, казалось, на ней нарисованы... В общем, вы ведь уже поняли, да? Я влюбился в незнакомку с первого взгляда. И сразу заметил: она необыкновенная. Настолько, что, может, и не человек даже. А кошка. Или мне все-таки показалось? Я последовал за загадочной девчонкой... а оказался в плену у ведьмы. И это стало еще не самой большой моей неприятностью! «Твой личный кошмар» Мы не знаем последствий своих поступков. Не можем предсказать, к чему приведут самые обыкновенные, повседневные действия. Лелька чувствовала, что совершила ошибку. Но какую? Когда? Или еще не совершила, а только совершит? Девочка терялась в догадках. Однажды она просто оказалась в Корректоре – странном месте, которое снаружи выглядело как санаторий. Всех находящихся там ребят мучили кошмары. И всех их готовили к какой-то непонятной, загадочной миссии. К чему-то, что называлось Петлей... и давало возможность исправить ужасную ошибку. А еще – вызывало инстинктивный страх. Но о побеге из Корратора не получалось даже подумать. Лелька понимала: скоро в Петлю предстоит отправиться и ей... «Дерево душ» С тех пор как мама пропала, Никита жил словно во сне. Он ходил в школу, ел, спал... но чувствовал себя хуже некуда. Вернее, ему казалось, что некуда. Но однажды в его дверь позвонило чудовище. Меняющий обличья монстр. И мир из простого и понятного в один миг стал загадочным и странным. Оказалось, персонажи мифов и сказок существуют на самом деле. Ведь спас Никиту самый настоящий домовый. И сделал это не просто так: дедушка-соседушка называет мальчика богатырем и шаманом... и надеется, что тот совершит волшебный подвиг. Правда, по дороге Никиту вполне могут съесть. Но разве у героя есть выбор?

ISBN 978-5-699-74226-4

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Долг оборотня	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Арсеньева
Большая книга ужасов 63 (сборник)

© Арсеньева Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Долг оборотня

*Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.*

Николай Заболоцкий

*Мое спасение совсем рядом. Осталось только лапу протянуть... то есть руку.
Протянуть руку. Разрыть землю, докопаться до крышки гроба, сорвать ее и вытащить мертвое тело этого, как его... я только что прочитал на кресте, как его зовут, этого пацана...*

Забыл.

Да какая мне разница, как его зовут?! Мне не имя его нужно. Мне нужно кое-что из этой могилы.

Чтобы весь этот кошмар, который со мной творится, кончился! Чтобы я смог вернуться домой!

К маме с папой.

Вернуться – и все забыть!

Осталось сделать один шаг. Одно движение.

Достать из могилы мертвого мальчишку.

И все! И я свободен!

Мне страшно?

Нет.

Почему же я не могу? Почему не решаюсь?! Что, я слабак?

Нет! Я смогу! Смогу!

Он мертв. Ему уже все равно, что я с ним сделаю... А для меня это значит – вернуться!

И вернуть всю мою прежнюю жизнь.

Я... сейчас. Только еще минуточку...

Я хочу вернуться. Я вернусь!

Ну! Только лапу... только руку протянуть!

* * *

Я повернул ключ в скважине, прижимая локтем свой секретный сверток, и вдруг почувствовал, что за спиной кто-то стоит.

В жар так и бросило: а вдруг мама или папа вернулись? И сейчас спросят: «Что это ты несешь?»

И я представил, что с ними будет, если они увидят, что там, в свертке!

Но обошлось. Это оказался сосед из квартиры напротив.

– Здрасьте, Ликандр Андронович, – сказал я, как всегда запнувшись на этом несусветном имени.

Вытащил ключ, сунул в карман, быстренько начал спускаться – и чуть со ступенек не упал.

Что? Что такое?!

Обернулся, уставился на него, поморгал...

– Ну, Антон, похоже, у тебя зрение улучшилось, – усмехнулся сосед. – Поздравляю!

А я все стоял и смотрел на него как дурак. Смотрел – и вспоминал свои линзы, которые остались лежать в контейнере на тумбочке около моего дивана.

Я забыл надеть линзы. И все-таки увидел его, соседа! Причем увидел сразу!

Штука в том, что у меня зрение – минус восемь. Близорукий я до ужаса! Вдобавок эта близорукость какая-то дебильная: я сначала вижу все как бы не в фокусе, и нужно пару секунд, чтобы предмет или человек стали выглядеть четко.

Это очень редкое заболевание глаз. Оно называется миопия вагум – расплывчатая близорукость.

Конечно мне выписаны очки... но они уродские, как не знаю что, с толстенными стеклами. При виде людей в таких «окулярах» хочешь не хочешь, а ляпнешь что-нибудь вроде: «У кого четыре глаза, тот похож на водолаза!» или «Микроскоп ходячий!».

Я сразу отказался эти очкасы носить: стоило только представить, как выхожу во двор и слышу от Сашки с Пашкой или от Вали с Людой: «Тунец четырехглазый!» или «Тунец под микроскопом!»... Нет, это не для моих слабых нервов!

Так говорит моя мама, когда ее что-то раздражает или она хочет избежать стрессов.

Я тоже хотел избежать стрессов во дворе. У меня их и так хватало!

И все из-за моих друзей детства...

С Сашкой и Пашкой в младенческие годы мы играли в одной песочнице и катались на одних качелях, ну а девчонки, Валя и Люда, немного позже в наш дом переехали. Сначала все было нормально – честно, мы даже на дни рождения друг к дружке ходили! Потом... Ну, потом мы подросли и нас записали в разные школы.

Всех ребят – в нормальную, которая рядом с нашим домом, а меня родители внедрили – не без труда! – в школу платную, с углубленным изучением французского.

И все. И дружба врозь...

Меня во дворе сразу стали звать Дохлым Тунцом.

Дохлым – потому что я тощий. Тунцом... потому что я болтун.

И хвастун!

Сразу, чуть ли не после первого урока, захотел похвастаться во дворе, какие я французские слова уже выучил. Ну и огреб на всю жизнь!

Понимаете, в нашем классе на стенке висели изображения всяких животных, рыб и птиц с названиями по-русски и по-французски. Была там нарисована большая такая серебристая рыба. И подпись: «Тунец – *un thon*».

Это слово – *thon* – читается как «тон». Вместе с артиклем «ан» (французы, как и англичане, без артиклей жить не могут!) произносится «ан тон».

В общем, практически мое имя. Меня ведь зовут Антон.

Но с тех пор меня во дворе зовут только Тунец. Ну а Дохлый – типа, фамилия такой...

Может, надо было сразу врезать этим обзывальщикам как следует, чтобы над «і» поставить не только точку, но и двоеточие¹, однако не будешь же с девчонками драться, а Пашка с Сашкой меня еще в одной восьмой финала по стенке размажут!

Тем более что сам виноват... Молчал бы как рыба тунец – нет же, решил круть свою показать!

Ну, короче, я предпочел держаться от этих так называемых друзей детства подальше и постепенно приучил себя не обращать внимания на кличку. Я ее просто в упор не слышу! Но из-за уродских очков стрессов себе добавлять неохота. Я надеваю эти свои лупоглазы только дома. Но во двор в них не выйду под страхом расстрела!

На наше, слепешарых бедолаг, счастье, прогрессивное человечество изобрело линзы. И хоть фокусирующих линз оно еще не изобрело, все же мне стало жить чуть легче без близорукости – с одной только расплывчатостью.

¹ Двоеточие над буквой, например «і», называется тремá и обозначает раздельное произношение буквосочетания. Скажем, во французском языке сочетание «oi» обычно читается как «уа», а «oi» – как «ои». (Здесь и далее прим. автора.)

Конечно, с линзами мороки – не описать словами, а все же я постепенно привык к ним. Забыть их надеть довольно сложно, потому что с кровати не встанешь – все мутное, перед глазами плывет! Я, пардон, до туалета не дойду без них...

Но сейчас я вспомнил про линзы вот только что. Когда увидел Ликандра Андроновича и услышал, как он меня поздравляет с улучшением зрения.

То есть я встал, умылся, оделся, собрался без линз?! И без очков?!

Это как вообще?!

– Ага, – ляпнул я, ничего толком не соображая. – Улучшилось зрение, ага.

– Ну и отлично, – прошамкал Ликандр Андронович. – Слушай, Антон, у меня к тебе просьба...

Он говорил – а я на него тарашился. Честно говоря, я так отчетливо его никогда не видел, хоть мы прожили на одной площадке тринадцать лет.

В смысле, это я прожил здесь тринадцать лет, а Ликандр Андронович, конечно, гораздо дольше.

Я знал, что наш сосед – старик. Но теперь увидел, что он не просто старый, а вообще древний! Ну до ужаса! Раньше я думал, что ему лет сто, а теперь сообразил, что не меньше, чем сто пятьдесят. Казалось, он весь серым мхом поросший или паутиной облепленный...

Вот только глаза у него яркие, удивительно молодые, странного желтоватого цвета. У стариков они какие-то выцветшие, а у этого – сияют. Прямо как мамины янтарные серьги.

Смотреть на замшелого дедулю было реально страшновато, но все же мне стало жалко его. Наверное, это ужасно тоскливо – так долго жить, да еще в одиночестве. И собрав, конечно, в своем престарелом организме все болезни, которые только существуют на свете!

Про болезни – это я в точку попал, потому что Ликандр Андронович попросил меня сходить в поликлинику и изменить номер страхового полиса в его карточке. Оказывается, срок действия старого давно закончился – ну, и он наконец-то завел новый.

– Понимаешь, – прохрипел Ликандр Андронович, – если номер полиса в карточке будет другой, я даже врача вызвать не смогу в случае чего. Я бы сам ходил, но что-то сегодня так плохо себя чувствую, еле на ногах стою... Сделай доброе дело, а?

Ну что тут ответить?..

– Конечно, конечно, я сбегаю в поликлинику, прямо сейчас! – заверил я и взял пластиковую карточку – вроде банковской, только с фоткой. На ней наш сосед выглядел очень даже неплохо: не на сто пятьдесят лет, а всего-навсего на каких-нибудь сто сорок.

– Спасибо, Антоша! – прошамкал Ликандр Андронович. – Кстати, может, там в поликлинике и руку свою вылечишь.

И он кивнул своей белой-пребелой головой с развевающимися волосами-паутинками на мою кое-как перевязанную руку.

Сейчас как спросит, что у меня с рукой...

Я быстренько спрятал ее за спину и, буркнув:

– Да ну, ерунда, чего там лечить, заживет как на собаке! – ринулся вниз по ступенькам.

Какой-то странный звук остановил меня. Как будто наш сосед вдруг заскрипел!

Я затормозил на площадке, оглянулся.

Нет, Ликандр Андронович не скрипел. Оказывается, это он смеялся!

Смеялся и приговаривал:

– Как на собаке! Ха-ха-ха! Как на собаке! Или как на волке! А-ха-ха-ха-ха!

А мне – честно! – мне было не до смеха... Ужасно захотелось крикнуть, чтобы он заткнулся, но я, конечно, промолчал.

Промолчал – и пошел в эту его поликлинику, держа руку по-прежнему за спиной.

Глядеть на собственную верхнюю конечность мне было ужасно неохота.

Тошно мне было на нее глядеть!

А кому было бы не тошно на моем месте?!

История Ярро

Ярро, сын Герро и Барры, лежал на снегу и смотрел, как солнце катится за синие холмы на противоположном берегу реки. При этом белые пушистые облака заливались красным светом. Ярро вспомнил теплую кровь, пятнающую мягкое, трепещущее тело зайца, но не двинулся с места.

Ему был нужен не какой-то там жалкий заяц...

Имя «Ярро» по-волчьи значит «чужой». Почему именно ему дали это имя, было непонятно: ведь он родился в стае, в лесу! Это его мать была чужая: она когда-то пришла в лес из жилища человека, ее, собаку, приняли к себе волки, а молодой Герро – теперь он вожак стаи – сделал ее своей подругой. Но матери дали имя Барра – Красотка, – и она принесла своему спутнику и стае пятерых... волчат? щенят? – словом, пятерых детенышей.

Четверо получили нормальные волчьи имена, а тот, кто появился на свет первым, оскорбительную кличку Чужой.

Иногда Ярро чувствовал за это злую обиду на соплеменников, но утешался тем, что, став взрослым волком, он сможет взять себе другое имя. Ярро хотел бы называться как отец – Ветром, а еще лучше – Зерро, то есть Храбрым. Но если он успеет до того, как ему исполнится три года – время выбора нового имени, – совершить задуманное, то потребует, чтобы его назвали не иначе как Моррандр – Убивший человека.

* * *

Руку я порезал вчера вечером, когда остался дома один. Родители ушли на день рождения к папиному дядьке и сказали, что придут поздно.

Я знаю, что дядю Вадю мои мама с папой не очень любят, но отец считает себя обязанным ему за то, что когда-то жил в его доме. Ну и оказывает родственнику всякое уважение, хотя общаться с ним и его женой для мамы нож острый, она сама так говорит. Тетя Вика ужасная зануда, помешанная на порядке в их квартире, ну а дядя Вадя – хвастун, каких свет не видывал.

Дядя Вадя любит всем говорить, что он писатель. На самом деле ерунда на постном масле: ни фантастику, ни детективы, ни ужастики он не пишет. Всего-то у него издана одна книжечка – да и та за счет автора, как сказано на последней странице! Книжка эта про природу и про охоту.

Дядя Вадя – любитель охоты. Вроде бы даже иногда что-то подстреливает, но точно не знаю, я никогда его добычу в глаза не видел. Разве что в этой книжке на картинках.

Общается с ним наша семья в основном на его дне рождения. И еще... еще дядя Вадя обязательно является на мой день рождения.

Сказать по правде, меня это немножко напрягает. Сидим, понимаете, с друзьями за столом – и вдруг заваливается такой седой лохматый-бородатый дядька, начинает меня драть за уши, вопя, что он меня из роддома забирал (папа тогда внезапно с аппендицитом в больницу попал, а дядя Вадя как раз оказался поблизости – вот мама напереживалась, представляете?!), качал, можно сказать, мою колыбель, а потому практически мой ближайший родственник.

Потом, надрав мне уши, дядя Вадя начинает сыпать всякими охотничьими историями: сначала непременно рассказывает, как убил волка, который охотился на оленя, потом этого оленя – и отдал кусок его мяса моему папе с мамой (эта история правдивая, ее мои родители подтверждают), а потом реально завирается: если его послушать, получается, что он вообще

первый охотник в мире и невозможно сосчитать, сколько он там лисиц, зайцев, кабанов перебил – они, типа, сами на его «тулку»² лезут!

Ну, короче, родители ушли к дяде Ваде, а я такой сел перед компьютером, собираясь почитать с парочкой приятелей, ну и вообще полазить по ссылкам, – и вдруг слышу какой-то странный звук, как будто что-то скребется за книжным шкафом.

Вот ни фиги себе, думаю: мыши, что ли, завелись?!

И сразу вспоминаю один жуткий случай, о котором мама рассказывала. Они с папой тогда только что поженились и снимали квартиру где-то на Бекетовке, в старых домах. И вдруг однажды – среди бела дня! – мама заметила, что из кресла, в котором она сидит, вываливается вата. Просто так вываливается на пол – и все. Как будто ее кто-то выдергивает!

Мама встала, перевернула кресло, сунула в вату руку – и обнаружила, что там, в кресле и в вате, находится, типа, такое гнездо, а в нем мышь, которая только что родила мышат... таких розовеньких, слепеньких, еще мокреньких...

Они копошились – ну вата и вываливалась...

Мама всегда, когда этот случай вспоминает, приговаривает: «Хорошо, что мы в это время еще только мечтали о ребенке, в смысле о тебе, а то был бы не ребенок, а выкидыш!»

Между прочим, мои мама с папой и в самом деле долгое время о ребенке, в смысле обо мне, только мечтали. Он – в смысле, я! – у них никак не заводился, но потом – уже через несколько лет после случая с мышами – они смогли купить квартиру, переехали в нее – в этот дом на улице Ижорской, где мы теперь живем, – и наконец-то я завелся! И родился...

Ну, родился, вырос, пошел во французскую школу, получил во дворе прозвище Дохлый Тунец, носил линзы из-за своей миопии вагум, а иногда надевал жуткие очки с толстенькими стеклами – как сейчас, когда сидел перед компьютером и слушал, как за книжным шкафом что-то шуршит...

Те мыши, о которых рассказывала мама – розовенькие, слепенькие, ужасенькие! – мигом возникли в моем воображении. И я представил, что будет с мамой, если она их снова увидит... И тогда я – да на моем месте так поступил бы каждый! – решил ее от этого ужаса избавить.

Выбрался из-за стола, с трудом отодвинул от шкафа любимое папино кресло, встал на колени, влип в стенку – и заглянул за шкаф, готовясь совершить подвиг ради мамы.

И захохотал: это были никакие не мыши и не мышата! Это была книжка, которая почему-то завалилась за шкаф! И сквозняк – жарница, окна все настежь! – перебирал ее страницы.

Я кое-как книжку вытащил – и сразу узнал. Это была книжка дяди Вади. Она называлась «Первая встреча», и в ней рассказывалась, между прочим, та самая знаменитая история про волка, который гнался за оленем, а дядя Вадя убил того и другого.

И книжка сейчас была раскрыта именно на той странице, где находилось фото: мертвый олень, а на нем лежит мертвый волк.

Я эту книжку сто раз в руках держал. И эту фотку на тринадцатой странице разглядывал. Она была черно-белая, я отлично помнил! Но сейчас она оказалась цветная...

Реально цветная! Я видел тяжелые темно-зеленые лапы елей, сомкнувшихся вокруг поляны, коричневатую шерсть оленя, уронившего рога в истоптанный, окровавленный, усыпанный еловыми лапками снег... я видел полоску алой крови, струившуюся из его горла, и волка я видел – светло-серого, почти белого, бессильно лежащего на олене, я видел его застывшие зелено-желтые глаза, видел рану на его боку, куда вошел охотничий нож дяди Вади...

Я не только видел! Я чувствовал запах елей, и снега, и крови!

Как это могло быть, а?!

² «Тулка» – знаменитая еще с XIX века марка охотничьих ружей. Их выпускали на Тульском оружейном заводе, отсюда и название.

Я смотрел-смотрел на все это, не веря глазам, и вдруг мне в лицо словно ветром понесло! Ледяным ветром, смешанным с дымом охотничьего костра! И даже искры из этого костра до меня долетели! В глазах все поплыло... и показалось, будто убитый волк вскочил на все четыре лапы, взглянул мне в лицо – да и кинулся из книжки прямо на меня!

И он был не один – за ним неслась целая стая!

Я машинально руку выставил, и волк чиркнул меня по ней клыками...

Я заорал, отпрянул – и шарахнулся головой о кресло, которое стояло сбоку. Не по-детски шарахнулся!

Но это привело меня в чувство.

Огляделся – какой лес? Какой окровавленный снег? Какие искры далекого костра? Какой волк?!

Ну да, я полулежу на полу, держу книжку в руках и смотрю на знакомую фотку. Черно-белую! Все путем.

Только на руке – порез.

Я сразу понял, что порезался страницей, когда дернулся как дурак.

А чем еще я мог порезаться? Волчьим клыком, что ли? Не смешите меня!

Нет, правда – страницы в книжках иногда бывают ужасно острые! Вот же гадство!

Я покосился на рану, из которой, конечно, уже должна была сочиться кровь.

И тут я обнаружил, что у меня есть две новости: хорошая и плохая.

Начну с плохой.

Она состояла в том, что болела рука ужасно! Можно было подумать, что там не простая царапина, пусть и довольно глубокая и длинная, а какая-то кровавая жуткая рана!

И вот тут самое время перейти к хорошей новости.

Из этой «жуткой раны» не лилась кровь...

Абсолютно. Совершенно! Кожа и мышцы на месте пореза разошлись, но крови не просочилось ни капли! И вообще, там, внутри, все оказалось почему-то не красное, как должно быть, а какое-то серое.

«Может, из-за типографской краски?» – подумал я.

Хотя эта мысль была чрезвычайно глупой: книжка вышла больше десяти лет назад, а за это время любая краска сто раз высохнет.

Тогда почему?

Надо рану внимательней рассмотреть.

Для начала я решил ее промыть. Пошел в ванную, сунул лапу под кран, подержал, подвивая от боли, осушил полотенцем и начал было рану зализывать, потом спохватился – что же я делаю-то?! Это ж самый верный способ занести заразу! Надо проверить, вымылась ли эта серая грязь?

У нас в ванной лампа на пружине: ее можно опустить и поднять. И вот я опустил лампу до предела низко и начал разглядывать рану.

Посмотрел – и будто ведро колючек проглотил, так меня съежило от страха.

Нет, не может этого быть!.. Не может быть того, что я вижу!

Я потащился, заплетаясь ногами от страха, обратно в комнату, нашел в письменном столе увеличительное стекло, вернулся в ванную...

В увеличенном виде все выглядело еще ужасней.

Но я все равно не верил – не мог поверить!

Снова пошел в комнату. По пути надо было проходить мимо большого зеркала в прихожей. Я проскочил его рысью, пугливо, чуть ли не зубами клацая, отворачиваясь изо всех сил, вбежал в комнату, нашел в карандашнице скальпель (между прочим, самое то медицинским скальпелем карандаши точить!), опять побрел в ванную, где свету побольше... и не выдержал – глянул в зеркало, которое тут висело.

На меня смотрел Дохлый Тунец – собственной персоной! В смысле, я на себя, родимого, смотрел.

С души немножко отлегло, а то я уж вообразил себе невесть что...

Ерундой занимаюсь, конечно!

И все же решил довести эксперимент до конца.

Встал опять под лампой в ванной, закусил край футболки, чтобы не заорать от боли, сжался весь, напрягся – и чиркнул скальпелем рядом с первым порезом.

Ох и кровящи хлынуло! Я на нее уставился – ужасно растерялся, а она с руки стекает, на пол капает...

Кое-как я очухался, схватил пачку бумажных салфеток, которыми мама лишний крем с лица снимает, и мигом все их в крови вывозил. Потом нашел пластырь, залепил свою боевую рану, но перед этим исхитрился ее внутренность рассмотреть.

Ну мясо, ну кожа, ну кровь.

Нормальная царапина! Самая обыкновенная!

И я понял, что ничего не понял... Кровь лилась, но боли я вообще не чувствовал. Как будто по чужому телу скальпелем резанул. А та, первая рана, какой-то несчастной страницей порезанная, болела до сих пор. Но крови из нее так и не вылилось ни капельки. И она даже после промывания осталась серой.

Только это была никакая не грязь... Под увеличительным стеклом я отчетливо разглядел короткую серую шерсть, которая росла внутри этой раны.

Внутри меня.

Звериная шерсть!

История Ярро

Мать Ярро считалась в стае непревзойденным знатоком повадок человека. С нею советовались даже матерые волки: ведь долгие годы она жила в логове людей.

Тогда ее имя было иным. Тогда эту желто-серую узкоглазую лайку звали Сильвой. Хозяину привезли ее из далеких холодных краев крошечным щеночком, и Сильве иногда снились беспредельные белые равнины, колючая наледь между подушечками натруженных лап, которую на привалах приходится долго выгрызать, тяжесть постромок, тянущих назад, в то время как общее тело упряжки рвется вперед и вперед... Она не испытала этого, но, наверное, память предков сохранилась в крови.

Эта смутная память была подавлена теплой сытой жизнью в квартире из трех комнат – так называл свое логово человек. Но осталась тоска – неутрачиваемая и непонятная тоска по свободе. Неумная страсть хозяина к лыжным прогулкам зимой и частым походам летом в леса помогала этой тоске развиваться и крепнуть.

Лес пугал и манил Сильву: резко, больно билось сердце от бесчисленных живых запахов, шире раскрывались длинные узкие глаза, сильные лапы подгибались – в лесной чаще у Сильвы всегда был словно бы растерянный вид, но все-таки она послушно и неумолимо шла рядом с хозяином, не забегая вперед и не отставая, хотя обычно удержать ее было трудно.

Хозяйка недолюбливала Сильву. Уж если держать собаку, думала она, то лучше модных чихуа и пекинеса, на худой конец – толстого мялягу мопса. Но вот подарили лайку... Возись теперь с ней!

Хозяин в конце концов решил продать Сильву, но его отговорил один знакомый – опытный охотник: подсказал, что на этой неприхотливой собачке можно сделать хорошие деньги, когда она подрастет и ощенится. Он бы и сам взял щенка...

С деньгами у хозяина всегда было туго. И Сильву оставили – как вложенный в прибыльное дело капитал, который скоро принесет проценты.

Сильва привязалась к хозяевам, хоть они никогда не нежили и не ласкали ее. Но в памяти – невнятно, полузабыто – жил один случай...

Когда она была еще совсем щенком, к хозяевам приехал на зимние каникулы племянник из другого города – пятнадцатилетний мальчик. Сильву тогда только что привезли, она простудилась в дороге и захворала. Задыхалась от жара, глаза слезились и болели, все время знобило...

Хозяйка брезгливо передергивалась, слыша жалобный скулеж. Хозяин растерялся.

Мальчик же все каникулы провел с ней: поил теплым подслащенным молоком с растворенным лекарством, отогревал, завернув в собственный шарф, а на ночь украдкой брал в постель.

Именно это запомнила Сильва: горячую темную тишину в комнате, призрачные белые узоры на замороженных окнах, тоску по теплому материнскому боку – и давящий страх, который, однако, оставлял ее, сменялся сонным покоем, когда, еле слышно поскуливая, путаясь в одеяле и простынях, она пробиралась к подушке и сворачивалась клубком, стараясь уткнуться носом в горячее, гладкое, горьковато, но так успокоительно пахнущее, мерно вздымающееся плечо человека, который – Сильва, не зная названия чувствам, смутно ощущала это! – любил ее.

Через десять дней мальчик уехал, на прощание поцеловав Сильву в морду влажными и солеными губами. Он просил хозяина отдать ему щенка, но тот не согласился.

Сильве предстояло приносить прибыль!

* * *

Выйдя из двора, я свернул налево, прошел несколько шагов, а потом спохватился, что вообще-то иду не туда.

Направо же надо! Поликлиника – направо.

И швейная мастерская «Метелица» – направо.

Сначала я туда зашел. Ужасно боялся: вдруг там окажется толпа теток-заказчиц, которые будут долго примерять платья, но там сидела одна-разъединя мастерица.

Похоже, с тетками-заказчицами тут была напряженка.

Я эту мастерицу знал сто лет. Мама часто сюда заходила, да и мне периодически брюки то подшивали, то надставляли. И новые шторы тут подшивали. Ну и все такое. Мастерицу звали Марья Петровна, и она всегда была ужасно грустная.

И меня всегда угощала конфетами.

Я один раз спросил маму, почему это Марья Петровна такая щедрая. У нее своих детей нет, объяснила мама, вот и угощает чужих.

– А почему у нее детей нет? – спросил я.

– Это очень грустная история, – ответила мама и вздохнула: – Ее даже рассказывать страшно.

Ну, раз страшно, я больше расспрашивать не стал. А чего тут непонятного? Наверное, у Марьи Петровны ее дети умерли. Ужас, конечно...

– Джинсы подшить, Антон? – спросила Марья Петровна со своей обычной грустной улыбкой и протянула мне шоколадный батончик.

Я по опыту знал, что отказываться бесполезно, поэтому батончик взял и поблагодарил.

– Пижамные штаны порвал, – объяснил я и развернул то, что принес. – Сможете зашить?

Раньше мне, конечно, случалось слышать выражение: «Глаза на лбу» – но я считал его образным, ну, просто для красоты.

Сейчас понял, что это в натуре такое.

Ну, вообще-то, у меня, наверное, тоже глаза оказались на лбу, когда я утром проснулся и обнаружил, что лежу на полу практически голый, а пижамные штаны на мне разорваны пополам. Задняя половинка штанов – и передняя. Держит их только резинка.

Как я их порвал? Когда? Зачем?!

Причем, наверное, очень старался, когда рвал, – вон пузо все исцарапанное.

Что за ужас мне снился?! Почему уснул на полу? Я не помнил. Но знал, что мама с папой этих рваных штанов увидеть не должны. Потому я и приперся в «Метелицу». Заметать следы, так сказать.

– Как тебе это удалось? – спросила Марья Петровна изумленно.

Я не знал как. Я этого не помнил. И ляпнул первое, что в голову пришло:

– На спор.

Марья Петровна пожала плечами, но, видать, поверила. Взяла с меня двести рублей (у меня были, мама еще вчера оставила на новые учебники) и сказала прийти через час-полтора.

Только тут я спохватился, что забыл дома часы и мобильник. Был, так сказать, в расстроенных чувствах!

– А который час? – спросил я.

– Одиннадцать, – ответила Марья Петровна. – Вот в полдень и приходи.

И я наконец потопал в поликлинику.

Делать доброе дело!

Я здесь никогда в жизни не был. Родители обычно и сами ходили, и меня водили в «Тонус». Он, конечно, платный... ну и ладно, если есть чем платить! А по просьбе Ликандра Андроновича мне пришлось явиться в обычную районную поликлинику. Я такого и не видел никогда! Стены покрашены синей краской и облупились, линолеум драный, протертый, какие-то уродские жесткие стулья с треснутыми сиденьями...

Совок и отстой, короче!

Окошко в регистратуру было загорожено двумя слоями мутного стекла, и только внизу оставлена щель сантиметров в десять. Всем желающим записаться на прием или что-то спросить у регистраторов надо было или на колени становиться, или в четыре погребели сгибаться.

Передо мной сначала стояли несколько человек, но наконец я оказался один около этого окошка. Сказал регистраторше, что мне надо, просунул в «смотровую щель» полис Ликандра Андроновича и облокотился на стену, приготовившись подождать.

Я не возражал подождать. Было о чем подумать! Сегодня я сделал вид, что проспал, и родители, вернувшиеся за полночь, ушли на работу, когда я еще не встал. Но я же не могу от них скрываться каждый вечер и каждое утро! А если мама увидит мою перевязанную руку...

Даже думать о таком не хотелось!

Я потряс головой в надежде, что неприятные мысли оттуда вылетят. Но не получилось.

И я, чтобы отвлечься, стал наблюдать за регистраторшей в белом застиранном халате. Может, эта поликлиника – последняя на свете, где персонал в таких халатах ходит!

И вообще, я думал, тут какую-то правку в компьютере внесут – чик-чик, раз-раз – и готово, а регистраторша бродила между стеллажами с карточками с таким видом, как будто забыла, что ищет.

Мне даже интересно стало – вспомнит или нет?

Точно с таким же интересом за ней наблюдала хорошенькая черная кошечка, которая преспокойно лежала на самом верху стеллажа, на небрежно сваленных в кучу карточках. Она даже свесилась наполовину с полки и водила головой за мелькающим белым халатом – туда-сюда, туда-сюда.

– Да что ж такое! – возопила наконец регистраторша. – Куда карточка делась этого Вежливец?! И что за фамилия такая – Вежливец?!

Ну да, у Ликандра Андроновича такая забавная фамилия. Я-то к ней привык, а посторонним, конечно, странно.

Может быть, кошке она тоже показалась странной, потому что она вдруг вскочила, выгнула спинку, потянулась – и из-под ее задних лап сверху свалилась карточка, угодив прямо на голову регистраторши, совершенно как то яблоко, которое некогда угодило на многооумную голову Ньютона.

История умалчивает о том, что изрек в этот миг Ньютон, а вот регистраторша вскричала:

– Да вот же она, карточка этого, как его... Но почему это она упала оттуда?!

– Ее кошка сбросила, – сказал я.

– Какая еще кошка?! – Регистраторша взглянула на меня как на безумного.

– Которая вон там сидит! – Я хотел показать пальцем, но он ткнулся в стеклянное ограждение регистратуры, и стекло буйно завибрировало. Пришлось объяснять: – Вон та кошка, которая на самом верху стеллажа сидит. Черная такая!

И тут я понял, что ошибся. Кошка только на первый взгляд казалась черной, а на самом деле она была серой.

– В смысле серая, – поправился я. Но немедленно обнаружил, что снова ошибся: наверное из-за игры света и тени. Сейчас кошка была реально рыжая. И я, конечно, снова поправился: – То есть рыжая!

Смешно, но через секунду выяснилось, что я ошибся снова: кошка оказалась вообще белая! А потом я разглядел, что она полосатая...

Так. Кажется, моя расплывчатая близорукость опять активизировалась. Да еще как!

– А может, кошка была в клеточку? – хладнокровно спросила регистраторша, которая наблюдала за мной с тем же исследовательским любопытством, с которым мы с кошкой недавно наблюдали за ней. – А что такого? Кошка в клеточку, нормально... Только ведь тут у нас никакой кошки отродясь не было! Ни белой, ни черной, ни рыжей, ни в горошек, ни в цветочек!

И разложив на столе карточку Ликандра Андроновича, она наконец-то начала исправлять в ней номер полиса.

Я посмотрел на стеллаж. И правда – там никого не было...

Тут за моей спиной кто-то хихикнул.

Я обернулся.

Там стояла девчонка. При виде ее все мои проблемы – и рваные пижамные штаны, и даже шерсть внутри раны! – показались сущей ерундой.

В каком-то древнем совковом фильме одна неказистая девчонка мечтала, чтобы при виде ее все мужчины падали и в штабеля складывались. Сейчас я понял, какой надо быть девчонке, чтобы при виде ее хотелось безропотно сложиться в штабель.

Я, к примеру, уже практически сложился!

Это была не девчонка, а Шамаханская царица, честное слово! Длинные косы – черные, блестящие, брови дугами изгибаются, будто нарисованные, нос – шедевр! Глаза... ну, тут вообще слов нет. Сказочные глаза! Зеленые-презеленые! Прямо даже изумрудные. И вся она была такая тоненькая, как балеринка, так что черные джинсы, майка и балетки казались нарисованными на ней.

Она стояла, глядя на меня этими своими изумрудными глазищами, улыбалась лукаво и поцарапывала ноготком притолоку.

И мне стало ну прямо тошно оттого, что эта Шамаханская царица слышала, как меня регистраторша высмеивала. При такой девчонке хочется, чтобы тебе на голову лавровый венок надевали, честное слово! И это самое малое...

– Кошка точно была! – выпалил я, во что бы то ни стало желая оправдаться в ее глазах.

– Конечно была, – сказала она. – Я знаю.

Ну, ребята... Это не просто девчонка! И не просто Шамаханская царица! Это вообще... ну, я не знаю!

Может, она и цвет кошкин смогла разглядеть?

Я только рот открыл, чтобы спросить, как регистраторша стукнула в стекло:

– Эй, кавалер! Забирай полис своего Вежливого!

Показалось, будто эта тетка в белом халате меня кипятком обварила. Вытащила из-под прилавка полную кастрюлю – и выплеснула в меня. И даже стекло этот кипяток прожег.

Кавалер, главное! Ну почему взрослые бывают иногда такие... такие... ну почему им надо все сделать ужасным?!

И она, Шамаханская царица, она ведь слышала, какой презрительный был голос у регистраторши! Мол, этот длинный, тощий, длинноносый, с пегими лохматыми волосами – этот Дохлый Тунец, короче! – не достоин быть кавалером балеринки с изумрудными глазами.

Я схватил этот несчастный полис, сунул в карман, обернулся – и понял, что не напрасно у меня было такое ощущение, будто мир развалился на мелкие кусочки.

Все-таки эта вреднючая тетка сделала свое дело!

Шамаханской царице, видимо, ужасно не понравилось, что меня зачислили к ней в кавалеры. И она ушла.

Пропала!

Я тупо посмотрел на притолоку, в которой девчонка успела процарапать своими ноготками несколько довольно глубоких борозд.

Ничего себе, вот это ногти у нее! Если бы регистраторша увидела это, вот бы крик подняла!

Но поздно. Шамаханская царица исчезла.

Поликлинике останутся на память о ней хотя бы эти борозды! А мне... а мне не останется ничего.

И с этой мыслью – будто потерял что-то драгоценное! – я вышел на крыльцо и побрел домой. А по пути – забрать штаны в мастерской и отнести Ликандру Андроновичу его медицинский полис.

История Ярро

Шло время. Сильва повзрослела. Хозяин решил, что настало наконец время оправдать деньги, уплаченные за эту собаку. Чистопородные лайки вошли в моду, за щенков должны были хорошо заплатить.

Стояла осень. От листьев, которые уже не шумели над головой, а вяло лежали на земле, шел сырой, острый запах. Ноздри Сильвы раздувались от этого запаха, все время хотелось выть, но не тоскливо, а как-то иначе...

Она все время рвалась с поводка, хозяин даже беспокоился, что не удержит ее. Прогулки стали короткими, а Сильве так хотелось свободы!

Однажды хозяйка, прихватив всегда дурно пахнущее мусорное ведро, вышла в коридор к некоему утробно урчащему железному сооружению с огромной пастью, вонючей от множества поглощаемых ею отбросов.

Сильва подошла к неплотно прикрытой двери. Что-то словно бы толкнуло собаку! Шаг, еще шаг... Ступеньки замелькали под лапами, в темноте нижнего этажа она юркнула мимо испуганно взвизгнувшей тени – и выскочила на улицу. Впервые одна, без поводка и без хозяина.

Испуг от непривычной, внезапной свободы несколько охладил ее стремительность, но разбег был уже взят, и Сильва, несколькими прыжками миновав двор, выскочила на бульвар, где часто гуляла с хозяином.

Еще утром мягко пружинили под лапами прелые листья, а сейчас все было покрыто тонким слоем нежданно и рано выпавшего снега. Острое – до щенячьего визга! – счастье нахлынуло на Сильву, и тут она увидела крупного черного пса с широкой, почти квадратной мордой, с большими круглыми ушами и мощными лапами. Пес стоял невдалеке, под деревьями, с которых изредка падали на него мягкие влажные хлопья снега.

Сзади толпились другие собаки. Бродячие. Дворняги... Племя, самое презираемое хозяевами Сильвы!

Ей стало страшновато. Она повернулась, чтобы убежать, но дворняги уже окружили ее, загородив путь.

Бежать было некуда.

* * *

Я повернул налево, сделал несколько шагов – и тотчас спохватился, что мне опять направо надо, если хочу попасть в мастерскую и домой. С чего это я левачу, понять не могу!

Хотя идти забирать штаны было еще рано. Мне казалось, я в поликлинике невесть сколько времени пробыл, а на самом деле – каких-то полчаса. Это я понял, когда посмотрел на часы на фасаде Автодорожного техникума – напротив поликлиники.

Я посмотрел в небо. Солнце стояло в зените.

Вот интересно, на небе уже полдень. А на часах еще нет.

И вдруг я забыл и про налево, и про направо, и про штаны, и про часы, и про швейную мастерскую, и про солнце, и вообще про все на свете, потому что увидел впереди Шамаханскую царицу.

Она уже прошла почти весь квартал по Ашхабадской от поликлиники до Белинки и готовилась перейти улицу, чтобы попасть в парк Кулибина, да задержалась на светофоре.

Я чесанул следом, но вдруг услышал чей-то шепот:

– Пошел прочь, дурак! Чего пристал?! Тебе тут не место! Пропадешь! Пошел вон!

Я оглянулся – никого. То есть вдали тащится какой-то дядька, но, во-первых, далеко, я бы его не услышал, а во-вторых, шепот был женский. Вернее, девчачий...

Глюки у меня, что ли? Что ж за день такой... не день, а натуральная психушка! А если вспомнить вчерашний вечер?!

Я снова посмотрел вперед и обнаружил, что, пока я башкой попусту вертел, Шамаханская царица уже перешла дорогу и углубилась в парк. А на светофоре уже желтый, тут переход короткий!

Я рванул со всех ног, прошмыгнул прямо под курносым рылом маршрутки и вбежал в густую тень кленов.

Тем временем Шамаханская царица свернула за большой куст бересклета – и вдруг три бродячие собаки так и бросились туда.

– Пошли вон! – заорал я, но собак, оказывается, заинтересовала не Шамаханская царица, а черная кошка, которая из-за куста выскочила и взлетела на дерево.

Псы прыгали под деревом и лаяли на кошку, но при этом они почему-то иногда оглядывались на меня с укоризненным выражением: типа, а ты почему не лаешь? Почему не подпрыгиваешь как можно выше, чтобы поймать кошку за лапку и стащить вниз?

Ну, я не лаял, это точно. И не подпрыгивал. Я просто стоял и тупо смотрел на эту кошачью лапку, на который была надета черная балетка, такая узенькая, будто нарисованная...

Но вот кошка дернула лапкой, поджала ее – и я понял, что это мне тоже померещилось. Очередной глюк!

Нормальная кошачья лапка с нормальными кошачьими когтями.

И я понял, что мои дела совсем плохи. Говорят, любовь с первого взгляда – это страшная штука! Запросто крышу сносит! Теперь я в этом убедился.

Надо же, дошел... если девчонка даже в кошке мерещится – это уже полный аллес капут...

Но я опять упустил ее, Шамаханскую царицу! Пока псы меня отвлекали, она куда-то скрылась.

И тут я призадумался. А с чего я взял, что ей было бы приятно, если бы я ее догнал? Захотела бы познакомиться – не сбежала бы от меня.

Такая девчонка... вообще... и я, Дохлый Тунец! Больно я ей нужен.

Ну и ладно.

Я уже повернул было назад, как услышал яростное шипение кошечки, которую атаковали псы.

Посмотрел внимательней. Она была очень похожа на ту кошку, которую я видел в поликлинике. Правда, цвет не меняла. Сидела себе на ветке – черная-пречерная – да шипела на собак.

Мне стало ее жалко. Я рывкнул на псов – они завыли довольно-таки трусливо, начали припадать к земле и тут же дали деру, оглядываясь на меня и жалобно взлаивая.

Ну надо же! Только что были практически друзьями, звали полаять за компанию – и вот удрали, будто у меня в руках откуда-то взялась дубинка.

– Тунец, – услышал я чей-то голос, – тебя в партию зеленых не примут! Чего собак гоняешь?

Голос был не чей-то, а Пашкин.

Пашка... с нашего двора. Один из моих друзей детства.

Выражаясь фигурально...

– Он думал, что это рыбы-собаки, – отозвался второй голос, и я узнал Сашку.

Затем раздалось визгливое девчачье хихиканье, и я тоскливо вздохнул.

Это хихиканье мне было знакомо с того времени, когда мы играли одним мячиком.

Хихикали Валя с Людой. Валя – длинная и тощая, еще тощее меня, но ее дохлой почему-то никто не зовет. Люда – круглая, как шар, но ее никто не зовет камбалой. Эти две девчонки таскаются всюду вместе, как попугаи-неразлучники, вечно под ручку сцепившись, шепча что-то одна другой на ухо и беспрестанно хихикая.

Чего их сюда принесло?! Хотя легко догадаться. Мороженого пришли поесть. Здесь отличное мороженое с лотка продают. Вон там, невдалеке. Развесное, в хрустящих вафлях. Такого в магазине не купишь! Вот и явились в парк.

Как будто не было другого времени сюда прийти!

– Нет, Тунец у нас сегодня молодец! – сказала Люда. – Он кошечку спасал. Ой, какая хорошенькая кошечка, какая миленькая...

– Ой, прелесть! – восторженно простонала Валя.

А Пашка с Сашкой согласились:

– Классная котэ.

И они все в один голос заверещали:

– Кис-кис-кис!

Кошка грациозно спустилась с дерева и завертелась перед ними. И прыгала, и на спинку опрокидывалась, и подставляла шейку каждому под руку, а зеленые глаза то блаженно щурились, то бросали на меня лукавые взгляды.

Я стоял как дурак и смотрел на эту компанию. И заметил, что кошка постепенно передвигается по траве, как бы заманивая ребят за собой. Она явно стремилась к большой изогнутой ветке, которая нависала над какой-то ямой. И наконец в эту яму свалилась.

И когда она ударилась о землю, я увидел на минуточку, кто это на самом деле...

Я понял, что мне не померещилась черная балетка на ее лапе. И понял, почему на при-толоке в больнице остались такие глубокие борозды...

Но через миг она уже снова стала черной кошкой.

Запищали, захохали девчонки, и вот Пашка уже собрался спрыгнуть в яму, пролезть под ветку и вытащить кошку.

Спасти ее, так сказать!

У него бы ничего не получилось, я точно знал. За ним спрыгнул бы Сашка, а потом и Валя с Людой. Но делать они этого не должны были ни в коем случае! Я чувствовал опасность, от которой чуть не завыл.

Конечно, мне очень хотелось посмотреть, какими они из-под этой ветки вылезут... Так и подгрызало желание рассчитаться с ними за все издевки!

Но я точно знал, что этого делать нельзя. Я не должен допустить, чтобы они пролезли под веткой и стали теми, кем их хотела сделать кошечка!

Почему не должен допустить?

Нипочему.

Не должен, вот и все. Нельзя! Я это знал так же точно, как то, что у меня внутри, под кожей, теперь серая шерсть!

«Да брось! – шепнул мне в ухо тот же голос, который недавно называл меня дураком и гнал прочь. – Зато ты от них избавишься. Навсегда!»

Голос врал! Никогда бы я от них не избавился! Они бы снова и снова возвращались к нашему дому и выли под окнами своих бывших квартир. И жались бы к ногам своих родителей, когда те выходили бы во двор. А те гнали бы их прочь, даже не подозревая, кого гонят!

А если бы я встречался им на улице, они мчались бы за мной и норовили укусить, даже загрызть насмерть. И может быть, однажды им это бы удалось.

И это было бы справедливо. Потому что я мог их спасти, но не спас.

Но как их спасти?! Как остановить?! Если бы я начал рассказывать про то, что это за кошка, они бы просто со смеху перемерли. Они бы меня ни за что слушать не стали! И кошку прогнать мне бы не удалось. Такая уж это была кошка!.. Я мог бы, наверное, обозвать их как-нибудь отвратительно, чтобы они разозлились и кинулись за мной! Увести их из парка! Но я точно знал – не знаю почему! – что они не уйдут. Кошка – ага, кошка, она такая же кошка, как я хомячок! – держала их крепко. Она бы их всяко заставила под веткой пролезть. А ветка-то была не простая...

Я знал, что ребята видят просто сухой толстый сук. Местами покрытый корой, местами голый, ободранный. А я видел... а я видел, что ветка вся оплетена какими-то нитками, сухими травами, корешками какими-то... В этих оплетках все дело и было!

Я это мог разглядеть. Ребята – нет.

Что делать? Как их остановить?

Броситься на ветку, попытаться ее сломать? Не получится. У меня – такого, какой я сейчас, – не получится! Я не справлюсь с колдовством.

Я должен был стать другим!

Я не хотел, честно, я этого не хотел! Но просто не мог ничего с собой поделать! Это было сильнее меня!

Я сорвал с руки повязку, вцепился пальцами в ту рану, которую нанесли мне волки, бросившиеся из книжки дяди Вади, с тринадцатой страницы, но тут же спохватился.

Теперь я наконец-то вспомнил, как разорвал пижамные штаны. Но ночью мне все же удалось не выбраться из дому... Именно потому, что я штаны так и не сбросил с себя, я и не стал тем, кем мог стать. Часть одежды – резинка пижамных штанов – меня держала. Ночью я был еще слабым и плохо соображал, что делаю. По неопытности!

А сейчас... сейчас во мне пробудились какие-то... знания? Нет, лучше сказать – инстинкты.

Итак, сначала надо раздеться. Совсем! И поскорей! Время терять нельзя!

Я огляделся – и опрометью кинулся на детскую площадку. Она вся заросла крапивой, особенно густо – деревянная горка. Я вломился в крапиву, не чувствуя ожогов.

Нормальненько... Раньше я бы от боли ревел громче сирены! А сейчас – нет...

Под горкой – я это помнил еще с тех пор, как сам с этой горки катался с прочей малышкой, – была такая крошечная каморка. Типа, домик для малышки. Но там никто никогда не играл – из-за крапивы. Я влез туда, сорвал с себя одежду, швырнул в угол – и снова запустил пальцы в серую шерсть, которая выросла внутри моей раны.

Ох, как же мне стало больно!.. Я застонал, завыл... Но я должен, должен был вывернуться из своей кожи! Иначе... я точно знал, что иначе Сашка и Пашка, Валя и Люда никогда не вернуться домой.

Я их терпеть не мог. Они были мои враги! Я их, честно, иногда ненавидел даже!

Но я не мог их бросить, не мог!

Поэтому я, завывая от боли, выворачивал свою кожу дальше и дальше, и серая шерсть все больше покрывала мое тело. Она была еще влажная, но высыхала и топорщилась на глазах.

Серая, жесткая, с белыми пятнами...

Эти пятна наводили на какие-то мысли... они что-то значили...

Но сейчас мне было не до того, чтобы думать. Я вертелся так, словно на меня напала стая ос! Я спешил! Надо было действовать!

И наконец я с рычанием, от которого аж горло заболело, выскочил из-под горки – и крапива полетела в разные стороны из-под моих лап.

Добежать не успею. Прыгать!

Я оттолкнулся задними лапами и прыгнул так, как и во сне человеческом мне не снилось!

Пашка уже спустился в яму и почти пролез под ветку, когда я всем весом свалился на нее.

Ветка хрустнула, но почему-то не сломалась, а рассыпалась в прах. Я упал на Пашку, Пашка заорал, девочки завизжали:

– Волк! Волк!

Но Сашка прикрикнул на них:

– Дуры, какие тут волки, в парке?! Это собака!

Я сверкнул на них глазами. Не будь они такими тупицами, они бы знали, что у собак глаза не сверкают... Это признак волка!

Хотя мне было все равно, за кого они меня принимают и как сейчас называют. Главное – не Дохлым Тунцом!

Пусть бы только попробовали...

А впрочем, они про этого бедолагу Тунца и думать уже забыли. Сейчас они дружно орал на серо-белого пса (а может, волка?), который чуть не задавил черную хорошенькую кошечку.

Она еле-еле успела выскочить из ямы и со страшным шипением понеслась прочь.

Я – за ней.

Парк промелькнул в одно мгновение. Мы мчались по улице, люди шарахались от нас.

Наверное, видок у меня был еще тот! Пасть оскалена, шерсть дыбом, рычание так и рвется из горла!

А впереди меня то черная кошка летит, то ветер несет охапку сена, то палка переваливается, то клубок ниток катится, а то несколько кошек от меня несутся в разные стороны: черная, серая, белая, рыжая, полосатая, пятнистая – словно надеются, что я с дороги собьюсь и за какой-нибудь из них понесусь.

Но я-то точно знал, что она – черная! И не терял ее из виду.

Мы неслись как бешеные – с такой скоростью, что даже автомобили обгоняли, – но я не чувствовал никакой усталости. И даже не заметил, как мы вернулись по Студеной на Белинку, как промчались наискосок через парк Пушкина, миновали какие-то улицы со старыми домами, понеслись по трамвайным рельсам, откуда был поворот в Ветеринарный переулок, в котором, что самое смешное, находилась ветеринарная клиника, потом вдоль стены, сложенной из потемневшего замшелого кирпича и огораживающей старое кладбище, спустились к оврагу, вломились в заросли – и тут, над вонючим затхлым ручейком, берега которого были усыпаны пластиковыми бутылками и всякой гадостью, кошка вдруг вскочила на дерево, распласталась на длинной толстой ветке, свесив хвост и лапы, словно решила отдохнуть.

На самом деле она, конечно, ничуть не устала. Так же, как и я!

И вот я сидел под деревом, она смотрела на меня сверху, мерцала своими сказочными зелеными глазами, и я, кажется, слышал ее мысли:

«Я же говорила тебе, дурень: иди прочь, тебе тут не место! Говорила – пропадешь! Ну вот теперь и пеняй на себя! Думаешь, я за тебя заступлюсь? Даже не надейся!»

И тут я почувствовал чье-то затаенное дыхание за спиной.

Подскочил, обернулся...

Шуршала трава. По траве скользили змеи – несколько черных гадюк. По их следу спешили крысы – серые, с длинными голыми хвостами, тоже похожими на змей.

Какой-то тяжелый, гнетущий шум послышался в вышине.

Я задрал голову.

Откуда ни возьмись прилетела, неуклюже хлопая крыльями, большая ушастая сова: старая, выгоревше-черная, в серых пятнах, очень похожая не на живую птицу, а на какое-то заплесневелое музейное чучело. Она села на ветку рядом с кошкой, причем та осторожно подобралась, чтобы дать место сове.

Сова на нее даже не глянула: огромными черными глазами уставилась на меня. Разинула крючковатый клюв – и заухала, словно захохотала.

Если бы я оставался человеком, я бы ужасно удивился, что сова днем прилетела и пялится на меня. И что у нее не желтые, а черные глаза. И еще удивился бы, что кошка не кинулась на нее, а косится как бы со страхом.

Но я уже был не человеком... И сейчас вдруг сообразил, что шансов снова им стать у меня очень мало.

Если я этого хочу, мне надо бегом бежать! Со всех лап! Туда, где осталась моя одежда!

Влезу в нее, хотя бы верхнюю лапу в рукав суну, а нижнюю – в штанину, – и вернусь в прежний облик. Теперь я знал это совершенно точно. А пока не оденусь, оставаться мне то ли волком, то ли псом!

И только я об этом подумал, как сова плюхнулась сверху мне на спину – так внезапно, что я даже увернуться не успел. Да и не смог бы: змеи, которые только что таились в траве, кинулись ко мне и оплели мои лапы, словно веревками повязали! А сова вцепилась когтями в мой загривок и... и я почувствовал, что отрываюсь от земли, что сова тащит меня куда-то!

Я еще успел покоситься вниз, но кошки там уже не было: она со страшной скоростью вилась по земле клубком сухой травы, не отставая от совы, а за ней стремительно скользили крысы, вытянув хвосты.

Тут голова у меня ужасно закружилась, и я больше ничего не видел и не понимал.

История Ярро

Сильва сбежала из бродячей стаи спустя два дня. Раньше никак не удавалось: ее стерегли и, чуть что, больно кусали.

Но вот собаки вволю наелись на помойке и, разморенные сытостью, уснули под окошком какого-то подвала, откуда шел теплый влажных воздух.

И Сильве удалось наконец вернуться домой.

Хозяева встретили ее без радости, но все же вымыли и накормили. Она долго, блаженно спала, даже не представляя, как теперь изменится ее жизнь.

И скоро эти перемены начались...

Хозяйка то и дело норовила пнуть ее своими острыми, всегда громко стучащими по полу ногами. Сильва предпочитала отсиживаться в своем углу. У хозяина искать защиты было бессмысленно. Он тоже изменился: не водил больше Сильву гулять, а темными утрами силком выпихивал ее из подъезда, и когда она, торопливо оправившись прямо у крыльца, дрожа от страха и непонятного стыда, скулила у двери, хозяин открывал далеко не сразу и всегда с выражением хмурого недовольства на лице.

Кормили ее теперь скудно и плохо, но привередничать не приходилось: ведь Сильва была уже не одна.

Именно в этом и дело! От нее ждали чистопородного потомства, за которое можно получить большие деньги. А она должна была принести каких-то дворняжек!

И вот Сильва оценилась.

Дома никого не было. Она страшно устала, облизывая детенышей, и не заметила, как вернулись хозяева.

Хозяйка начала визжать и поскуливать, в голосе ее слышались нотки неутраченной ненависти, а хозяин проворно собрал щенят в пластиковый пакет и мигом выскочил за дверь – прежде чем измученная Сильва опомнилась. Она бросилась было следом, но ударилась мордой и грудью о захлопнувшуюся дверь.

Хозяин долго не возвращался, и все это время Сильва, истошно рыча, билась в дверь, а хозяйка продолжала скулить от страха, запершись в комнате и не смея выйти оттуда.

Хозяин вернулся, когда Сильва уже в кровь разбила морду; онемевшие лапы, ударяясь о дверь, не чувствовали боли. Едва хозяин вошел, Сильва проскользнула мимо него в дверь и бросилась вниз по лестнице.

Ненавистный запах хозяина, смешанный с мыльным и жалобным – родным, щенячьим, детским, – долго вел ее по обледелым завьюженным улицам, пока возле тяжелой крышки, из-под которой поднимался пар, не остался только один из этих запахов...

Сильва скребла, скребла подтаявшую землю, потом забралась на горячую крышку и легла там, то обессиленно задремывая, то ожидающе раздувая ноздри. Иногда она вздергивала голову и выла на белесый огрызок луны.

Остаток зимы Сильва провела в городе: разыскивала на помойках объедки, попрошайничала возле столовых и магазинов. Она была гордой собакой, но это ее не унижало: большинство времени она проводила, лежа на той крышке.

Было тепло. Детей она давно не чуяла.

Когда потянуло из лесов робким запахом таяния снегов, Сильва ушла из этих гнусно пахнущих улиц. Она скиталась по чащобе, то подходя к редким жилищам людей, то уходя в колючие деревья и еще глубокие снега; изголодалась, отошала – и вот однажды ночью услышала незнакомый протяжный звук:

– У-у-уо-о-о!..

Вой ширился, рос, казалось, воеет уже не дальний хор незнакомых голосов, а вся чащоба лесная: и горько пахнущие ели, и снег, и даже мерзлые звезды, и чернота неба, и сама ночь... И странно, так странно, как никогда в жизни, почувствовала себя Сильва. Что-то оживало в ней – что-то незнакомое, сокровенное, тайное, до сих пор даже от нее самой.

Стало жутко. Она вскочила. В вышине переливались звуки.

Сильва заметалась, взрывая лапами сугробы. Подпрыгнула, вытянувшись в струнку. Упала и некоторое время лежала плашмя, зажмурясь и тяжело дыша.

Вой не прекращался.

И вот Сильва села, напружинив лапы. Пушистый хвост вытянулся на снегу. Она подняла голову и, заведя глаза, чтобы не видеть застывших, холодных звезд, завывала сама – призывно, отчаянно, смиренно и в то же время с надеждой:

– У-у-уо-о-о!

* * *

– Бестолковая ты, бестолковая! – донесся до меня скрипучий старушечий голос. – Сколько уж годов учу тебя, с младенчества ты при мне, а все такая же раззява, как раньше была. Помнишь, я тебя в гнездо сорочье подложила? Тебе что надо было сделать? Выкинуть яйца из гнезда! А ты что сделала?! Свилась клубком – и ну отогревать их, пока сорока не прилетела да тебя же из гнезда, дуру, не вышвырнула! Еще тогда я поняла, что от тебя толку не будет! Надо было, как умные ведьмы советовали, тебя тогда же в лес унести да снежком сверху присыпать! Оставить замерзать, потому что не будет от тебя в нашем ремесле пользы!

– Ну и что ж ты, бабушка, не отнесла меня в лес? Что ж снежком не присыпала? – угрюмо пробурчал девчоночий голос.

Я этот голос сразу узнал. Шамаханская царица!

Черная кошка...

Мне захотелось посмотреть, кто она теперь, кошка или девчонка, но боялся: открою глаза – и разговор прекратится. А разговор был хоть и страшный и непонятный, но очень интересный!

– Да отнесла я! – с досадой отозвалась старуха. – И отнесла, и присыпала, и сверху трижды плюнула! Горько мне было свои надежды губить – а что же делать? Ах, как чуяла я, когда тебя нашла на помойке, что напрасная это затея... Видать, не родная мать тебя тогда выбросила, видать, кто-то другой. А у нее, видать, болело за тебя сердце. Вот и не порвалась меж вами ниточка, вот и вышла ты неудачная. Мне бы тогда мимо пройти... да вот беда – пришло время новую ведьму растить, а выброшенных детей я так давно не находила! Ну и схватила на радостях тебя. А вышло, что беду себе подобрала!

– Бабушка, ты лучше меня прогони! – плачущим голосом взмолилась девчонка. – Ну, если я неудачная... прогони! Может, мне лучше опять человеком стать? Может, я маму найду?..

– Дурища! – снисходительно усмехнулась ведьма. – Неужто жить надоело? Чтобы человеком стать, тебе надо лучшим другом убитой быть, а потом в огне сгореть. Ну и как, скажи на милость, ты это устроишь? У тебя вот лучший друг есть?

– Да у меня вообще никакого друга нет, ни лучшего, ни худшего! – вздохнула Шамаханская царица. – Да и как же может быть, чтобы лучший друг тебя убил?.. Нет, такого не бывает!

– Всякое бывает! – ухмыльнулась карга. – Но не всегда да не со всеми. И это ты правильно сказала, что никого у тебя нет. У тебя никого нет – кроме меня! Людям ты не нужна, зато мне еще пригодишься!

– Бабушка, а что было потом, когда ты меня замерзать в лес унесла? – перебила девчонка.

– Ничего! – огрызнулась сова. – Ничего и не было путевого! Зачем тебе про то знать? Незачем!

– Ну скажи, а? – попросила девочка. – Может, я бессмертная?

– Ишь, разбежалась! – захохотала старуха. – Все смертны, только одни помрут раньше, а другие позже. Просто, видать, не настал еще твой час. Вот и выжила второй раз... Небось на третий уж не выживешь!

– Ну что ж все-таки было, а, бабушка? – нудила Шамаханская царица, в характере которой любопытство, видимо, перекрывало все другие свойства, даже страх перед угрозой бабки.

– Вот же пристала, как репей к шерсти! – проворчала старуха, но все же ответила: – А то и было, что спустя три ночи вышла я косточки твои собрать да в печке сжечь, чтоб хоть пепел в дело пустить, на нужное зелье. Подхожу – а ты живехонькая-здоровехонькая! И снег вокруг тебя до самой земли протаял. Видать, кто-то пригревал тебя да кормил.

– А кто?! – воскликнула кошка.

– Про то тебе знать не надобно! – огрызнулась старуха. – Лишнее это! Ты мне лучше скажи, почему нынче не так все сделала? Я ж тебе велела ребятишек под заколдованной веткой протащить, чтобы навеки их в зверей превратить! А ты что натворила, раззява?! Все прозевала?!

– Я не зевала, – буркнула девчонка. – Я ребятишек в яму заманила. Только... ветка почему-то сломалась. Может, кто-то из них ее задел, пока лез.

Я чуть не ахнул, услышав это.

Ветка почему-то сломалась?! Ничего себе! Да я ж на нее плюхнулся как слон, всей тяжестью! Она не просто сломалась – она в прах рассыпалась!

И кошка этого не могла не видеть. Но почему-то не сказала бабке...

– Не ругайся, – попросила она жалобно. – Кого надо было, я же привела к тебе! Я все сделала как ты сказала! Выследила его, в парк заманила, потом на грань лесную... Что тебе эти ребята? Что в них проку? Ты же их просто потому погубить хотела, что весь род людской ненавидишь. А этого... ты его боишься, верно?

– Не его боюсь, а того, кто за ним стоит, – загадочно ответила карга.

«Ничего не понимаю», – честно признался я себе, но додуматься до чего-нибудь толкового не успел: старуха спросила девчонку, чуть понизив голос:

– Как думаешь, Гатика, он догадался, кто ты такая?

Я смекнул, что Гатика – это имя кошки.

Девчонки.

Шамаханской царицы.

Странное имя... что же оно значит?..

Наверное, оно мне понравилось бы, если бы я мог сейчас испытывать какие-нибудь положительные эмоции.

К сожалению, пока все случившееся располагало исключительно к эмоциям отрицательным.

– Да нет, вряд ли! – беспечно отозвалась Гатика. – Он совсем глупый. Даже не заметил, что я когтями на притолоке...

И осеклась, даже ойкнула испуганно.

– А, волчьи ягоды и корни мандрагоры! – злобно взвизгнула старуха. – Неужто опять когти об стену точила?! Говори, ну?!

Послышался резкий свист – не то ремня, не то плетки.

– Не надо, бабушка! – взвизгнула Гатика. – Пожалуйста, не надо, я больше не буду, я сделаю все, что скажешь!

– Ну так сделай! – буркнула ведьма. – Ошметок бестолковый!

Я сразу вспомнил, как на кошачьей лапке мелькнула балетка. Если бы старуха еще и про это узнала...

Само собой, я не собирался выдавать Шамаханскую царицу, в смысле Гатику. Наоборот, настала пора за нее заступаться!

Я открыл глаза, рывкнул и кинулся было вперед, но что-то вроде тяжелой цепи так сдавило горло, что меня сразу рвануло назад и опрокинуло на спину.

– Очухался? – буркнул старухин голос, а вслед за тем она схватила меня за загривок и подняла.

В первое мгновение почудилось, что опять налетела сова и тащит куда-то, все поплыло, но тотчас меня сильно встряхнуло – и в глазах прояснилось.

И я жалобно взвыл при виде рожи, которая тарасилась на меня! Это была старуха... но в то же время у нее была медвежья пасть, а голова совиная: круглая, покрытая перьями голова, с крючковатым носом и круглыми черными глазами.

Вдруг, ни с того ни с сего, я вспомнил, что по-французски *vieille chouette*, то есть старая сова, значит еще и старая хрычовка, старая карга, старая ведьма.

Прямо в точку!

Она была именно карга! Ведьма!

Туловище совы оказалось туловищем горбатой, коротконогой толстухи в черном бесформенном балахоне, увешанном связками бус из желудей – сморщенных, заплесневелых, противных. Толстые пальцы с длинными загнутыми грязно-зелеными ногтями были сплошь унизаны сплетенными из травы или вырезанными из дерева грубыми перстнями.

Вместо драгоценных камней они были украшены тускло мерцающими гнилушками.

И эти перстни впились в мой загривок так, что я тихонько повизгивал от боли.

– Помалкивай, дурень! – небрежно приказала старуха-сова, глядя мне в глаза своими черными, непроглядно-мутными глазищами. – Помалкивай, раз попался!

Да, уж попался, так попался!

Я кое-как, стараясь не сильно натягивать цепь, которая перехватывала мое горло, огляделся – и снова взвыл и всей тяжестью повис в когтях старухи, так что ей трудно стало меня держать и она разжала когти. Я плюхнулся наземь и зажмурился. Но все равно – так и видел перед собой темный провал очага, в котором пылал огонь – как-то особенно яростно пылал... Над ним булькал черный, закопченный котел, в котором кипело что-то вонючее.

Похоже, воду зачерпнули в каком-нибудь болоте, перенаселенном живностью, потому что над варевом порой то подпрыгивала квакающая лягушка – или все еще зеленая, или уже сваренная до жутко красного цвета, – то взбиралась на край котла бородавчатая коричневая жаба, то высовывал голову уж, то вспархивало серое облачко мошкары, которое мгновение реяло над котлом, смешиваясь с густым вонючим паром, и тут же вновь пропадало в бурлящей жидкости.

Это было ужасно, так же как замшелые, заплесневелые стены пещеры, где я находился. Пол был такой же, только по нему непрестанно мельтешили туда-сюда крысы с настороженно вытянутыми хвостами. Сверху свисало то, что я поначалу принял за переплетенные змеиные тела. Но это были оголенные древесные корни. Воняло какой-то сырой тухлятиной. Мне помешалось, что навозом... так воняло весной на даче, когда навоза привозили целую кучу и мы все трое, папа, мама и я, разносили его по грядкам, потому что почва у нас в Линде (а у нас дача на станции Линда) – так себе, суглинок, и обязательно нужен навоз, чтобы все на грядках хорошо росло.

Честно – примерно с середины апреля я начинал просто ненавидеть выходные, потому что надо было ездить на дачу и первым делом разносить этот жуткий навоз. Сейчас я лапу... в смысле руку отдал бы на отсечение, чтобы оказаться именно там, а не здесь!

С другой стороны – какой от меня прок с отсеченной рукой на даче, где надо или траву драть, или навоз разносить – и для всего нужны две лапы... в смысле, две руки!..

А с третьей стороны – как бы я туда попал?! Ведь я был здесь! Сидел на цепи – да только и мог, что слабо вертеть головой.

Лучше всего мне было видно большое зеркало, прислоненное к стене. Оно, похоже, когда-то расколосось, а потом куски попытались собрать – ну и для этого сцепили их черными веревками, связанными между собой.

С ума сойти! Всем известно, что ничего хуже разбитого зеркала нет! А чтоб его еще и дома у себя держать, это кем надо быть?!

Ну разве что ведьмой, старой каргой, совой! Небось ведьме-то – чем хуже, тем лучше!

Через секунду огонь в очаге вспыхнул особенно ярко, и я разглядел, что осколки скреплены никакими не ремнями, а телами каких-то длинных и очень тощих змей – черных, белых, рыжих, – которые были связаны голова к голове и хвост к хвосту. Змеюки сдохли так давно, что уже высохли.

Отражательные свойства разбитого зеркала явно пострадали: некоторые его части были темны и непроглядны, а в некоторых еще что-то можно было разглядеть. В одном из таких кусков я вдруг увидел серого волка с узкой мордой и серыми глазами. Правда, я никогда не видел волков с белыми пятнами... Может быть, это был пес, а не волк – я ведь помнил, что лаял на кошку, а волки не лают... Но тогда почему у меня сверкали глаза? Я точно помнил. А дядя Вадя говорил, что у собак глаза не сверкают, это волчья примета!

А с другой стороны, не все ли равно, волком я стал или псом? Главное, что я был не я.

– Ну как, нравишься себе? – ехидно спросила карга. – Ну, нравишься не нравишься, а придется потерпеть. Тебе ведь жизнь таким доживать. Ну ничего, это ненадолго. У меня ваша братия, оборотни-невры, долго не заживается.

Я с ужасом на нее глянул, ничего не понимая.

Невры? Какие еще невры?! Может, нервы?!

Не знаю, что там было с нервами у этой карги, ну а мои просто дрожмя дрожали, как электрические провода под ветром.

– Я – оборотень?! – с усилием выговорил я.

И тут же поразился, что именно говорю. Не рычу, не вою, не лаю – говорю!

Как человек!

Но размышлять на эту тему мне было некогда, и я повторил:

– Оборотень?!

– А кто ж такой? – очень удивилась моему удивлению сова. – Был мальчонком, стал волчонком – кто же ты в таком случае?

– Но я не знал... – промямлил я. – Я думал, это просто так... случайно... Я не понимал!

– Да чего тут знать? – хмыкнула карга. – Чего понимать? Все просто. Жил ты человеком, а как сбился твой час – обернулся!

Я все не мог в это поверить. Ну да, видел шерсть под своей кожей, ну да, выворачивался наизнанку – этой шерстью вверх, ну да, радостно гнался со всех четырех лап за кошкой... Но мне все казалось, что это... ну, как виртуальная реальность, что ли. Как будто я оказался в кинотеатре 5D: надел очки, сел в кресло, смотрю все такое живое и правдоподобное. Ну да, страшновато... один раз в таком кинотеатре меня даже реально укачало, чуть не вырвало, хотя я не на машине, то и дело тормозящей, ехал, а в кресле сидел. И казалось, сейчас что-то вроде этого происходит. Как будто я в кинотеатре 5D, где идет фильм о приключениях Дохлого Тунца. Кресло добавляет тактильных ощущений, форсунки разбрызгивают запахи... Но я все время надеялся, что из этого зала можно в любую минуту выйти.

Но когда сова произнесла это слово – «Оборотень!», – она как будто замкнула намертво двери кинотеатра. И оттуда уже не выйти...

Да ну нет, ну не может же быть!

Я ведь сто раз читал в книжках и смотрел в фильмах, что оборотнем можно стать – как и вампиром! – когда тебя куснет другой оборотень. И в «Гарри Поттере», к примеру, про то же, и в «Ван Хельсинге». Хотя в русских сказках надо было через нож перекувыркнуться и об землю грянуться. Или вот как кошка хотела Сашку с Пашкой и Любу с Валею провести под заколдованной веткой... тоже способ... Если бы я не помешал, они превратились бы в зверей!

А меня никто не кусал. И ни через какие ножи я не перекувыркивался! И под веткой не пролезал! Я всего-то навсего руку книжкой поцарапал. И что, просто так стал оборотнем?!

Стоп. Стоп, без паники. Дверь еще не заперта. Из этого кинотеатра и в самом деле можно выйти. Оборотень может вернуться в человеческий облик! Просто нужно снова на себя свою человеческую одежду натянуть – и...

– Ишь! – хмыкнула ведьма. – Просто! Да ты до своей одежды сначала доберись!

И я понял, что карга читает мои мысли.

– Читайте? – насмешливо повторила она, хотя я и словом не обмолвился. – Этому не обучена. Да и зачем? И так все насквозь вижу. А что темно для меня – на то вон кривое зеркало есть.

И сова кивнула на зеркало, которое от этого движения затряслось так, что едва не рассыпалось.

Как будто от страха затряслось! Как будто и оно этой старой карги боялось!

И я его вполне понимал...

– Кривое зеркало, кривое мерцало, – пропела ведьма, – покажи обратную сторону чудо чудное, диво дивное. Докажи дурню, что обратную дорогу забудь-травой заплело! Начнет искать – а не вспомнит где. Побежит – а не вспомнит куда! Покажи ему, кривое зеркало, кривое мерцало, да в последний разок, что дверь я замкнула и ключ выбросила!

И она издевательски ухмыльнулась, а потом постучала одним из своих деревянных перстней по тому куску зеркала, в котором я отражался, – и поверхность его зарябила, пошла волнами, а когда рябь рассеялась, я снова увидел парк Кулибина.

История Ярро

Ярро почему-то был матери ближе остальных детенышей, хотя, пожалуй, в его внешности сохранилось совсем мало примет собаки. Из всех своих братьев и сестер он особенно походил на волка: большой лобастой головой, толстой шеей, широкой грудью, высокими, очень сильными ногами – словом, всей своей поджарой и в то же время мощной статью, которая в будущем обещала еще больше силы. Разве что глаза у него были такие же удлиненные, лукавые, как у Сильвы, да серая шерсть – более мягкая, пушистая и в то же время более густая, чем у других.

Кроме того, его шея была густо опушена белым – как у матери.

Подобно тому как Сильве по наследству перешла память об упряжке, бегущей по тундре, так и в крови ее сына жила материнская ненависть к едким и пыльным запахам человеческого логова, злomu вероломству, коварству человека. Он не был рожден с ненавистью – этому научила его Барра. Она вскормила его этой ненавистью как молоком.

Что считалось самым важным в стае? Добыча пищи – достаточной, чтобы прокормиться сегодня, быть довольным собой и своей охотой и набраться сил перед завтрашней охотой, которая даст возможность быть сытым завтра и набраться сил для следующего дня. Вожак стаи Герро не убивал ушастого зайца, или юркую лису, или другую дичь только для того, чтобы окровавить зубы, погасить блеск жизни в глазах животных, а потом уйти, бросив мертвое тело. Тому же он учил молодых волков.

Но как поступать с человеком? Это ведь добыча не из обычных!

– Волк из моей стаи никогда не нападет на человека первым, – учил молодых вожак Герро.

– Почему? – непочтительно вмешивался Ярро.

– Потому что человек опасен. Сладость его мяса и соль его крови не стоят того страха, который охватит все твое существо, когда ты будешь идти по его следу, бросаться на него, сбивать наземь...

– Можно подумать, человек – лучший друг волка! – задирился Ярро в щенячьей злости на отца, но вожак стаи не опускался до спора с несмышленьшим.

В конце концов, каждому из волчат предстоит самому убедиться в правильности его слов, усвоить уроки леса, охоты, жизни, наконец... Им еще предстоит узнать, что и грязно-бурый, косматый, с короткой мордочкой енот, и плотный, жирный барсук, и стремительная, всегда испуганная тонконогая косуля, и суетливая мышь – не просто пища, но и соседи, которые, как ни странно, нужны лесу не только для того, чтобы кормить волчью стаю. И высоченные ели, и тяжелые березы, и ядовитые красные шарики волчника – тоже соседи, равновеликие для здешней жизни.

У каждого из животных и растений свой мир, своя жизнь и свои заботы. Тут крылось для Герро нечто высшее, но объяснить это он не мог бы никаким образом.

Да и зачем объяснять? Это опыт охотника, и дает его не знание, а сама жизнь. Поэтому Герро снисходительно отмалчивался.

Однажды они вдвоем с Ярро побежали к маленькой речушке. Она была пестрая, переливчатая, ее запахи звонко струились и заливали все вокруг.

Герро и Ярро были сыты и легли погреться на отмели. Герро клонило в сон, но, заметив, как напряженно смотрит в чашу, словно видит там врага, Ярро, он, зевая и потеряв всякую надежду на спокойный отдых, провыл:

– Почему ты хочешь убить человека?

– Я ненавижу его! – прорычал Ярро.

– За что? Ведь ты никогда не видел его, а ненависти к человеку нет в крови у волка.

– Разве никто из волков никогда не убивал человека?

Герро завозился, ложась поудобнее:

– Бывает такое, бывает... Когда человек находит логово и забирает волчат, мать, убивая человека, защищает своих детенышей. Когда человек со своими палками, выпускающими гром и смерть, идет по следу волка, волк, убивая человека, спасает свою жизнь. Когда в стужу трещат деревья и не найти пищи, а свежий след пахнет одиноким человеком, волк, убивая его, добывает пищу для стаи. Ведь когда у человека нет грома, он не так опасен. Он не умеет быстро бегать, лапы его лишены когтей, не могут нанести сильный удар... И все-таки волк убивает человека без ненависти.

– У-уо! – взвыл Ярро. – А разве постоянный страх перед человеком не рождает ненависти к нему?

Герро то взглядывал на Ярро, то отворачивался. Вода играла на солнце, нагоняя дрему.

Щенок прав! Какое же еще чувство можно испытывать к тому, кого привык всю жизнь бояться?

Он сонно прищурился. Ярро, крепко уперев в землю сильные, напряженные лапы, смотрел на старого волка сверху, опустив оскаленную морду:

– Вы, волки, ты, мой отец, ненавидите человека за тот страх перед ним, который носите в себе, который носили и ваши предки. Извечный страх! Собака, моя мать, ненавидит человека за то зло, которое он ей причинил. И только я, сын собаки и волка, ненавижу человека за то, что он – человек. За то, что он существует!

Герро готов был искушать этого щенка.

– «Мой отец – волк! Моя мать – собака!» – передразнил он. – А сам-то ты кто? Сам-то ты ни волк, ни собака, а туда же! Что ты знаешь о ненависти? Откуда тебе это знать?

Солнце горело в голубом огромном небе, которое даже быстрым ногам Ярро не обежать от восхода до заката. Кора лиственниц блестела и переливалась. Лес был еще зелен, источал летние запахи, но скоро придет осень, листья начнут умирать. Ярро завидовал деревьям и медведям: засыпая на зиму, они просыпаются весной. Как будто умирают и рождаются снова. А вот когда он, Ярро, погибнет, это уже навсегда. Он не проснется больше.

О, если бы удалось раньше убить человека! Только ему понятно это неистовое желание. Только ему!

Он сверху вниз горделиво посмотрел на Герро:

– Я выше вас всех! У каждого из вас есть маленькое имя: пес, волк... Я ни пес, ни волк – да! Я и волк, и пес. Только меня можно назвать одним большим именем. Я – Зверь!

* * *

– Что это было? – возмущенно спросила Люда, пытаясь выбраться из ямы.

Но Люда была маленькая, толстенькая, с коротенькими ножками, поэтому у нее ничего не получилось.

Пашка вылез первым и протянул Люде руку. Снизу неуклюжую подружку подсадили Сашка и Валя.

– Вытянули репку! – засмеялся Пашка.

Люда обиделась – она не любила намеков на свою комплекцию – и даже спасибо не сказала. Надулась и принялась стряхивать древесный мусор, которым была усыпана.

Валя и Сашка проворно вылезли из ямы и тоже принялись отряхивать одежду.

– Загадочно, – сказал Сашка. – Дерево крепкое, основание у ветки совсем не трухлявое. А она рассыпалась в пыль. Смотрите, как будто пепел!

– Этот бешеный пес на нее плюхнулся, – сказала Валя с досадой. – И кошечку прогнал, и ветку сломал.

– Да не сломал он ее, ты что, не видишь? – с меньшей досадой посмотрел на нее Сашка. – Логически рассуждая, если бы сломал – были бы обломки. А это труха.

Сашка очень любил рассуждать логически.

– Ну ладно тебе, Сашка, какая разница, труха или обломки, – примирительно сказал Пашка. – Главное, что это пес сделал, так?

– И мы из-за него кошечку не поймали! – подхватила Валя.

Люда всхлипнула. И все почувствовали себя так, словно не кошку какую-то там черную не смогли поймать, а лишились чего-то самого дорогого на свете! Ничего им в эту минуту так не хотелось, как эту кошечку подержать в руках, погладить – и забрать с собой домой!

– А может, она еще где-нибудь здесь? – спросила Валя и с надеждой осмотрелась, вытягивая шею. И радостно взвизгнула: – Смотрите, вот она!

Все оглянулись – и тоже очень обрадовались. Кошка сидела на перилах старой облупленной детской горки, утонувшей в зарослях крапивы. Сидела и умывалась черной шелковой лапкой – так красиво и безмятежно, что все восхищенно заахали и кинулись к ней, словно не замечая крапивы. А вот крапива их очень даже замечала и отмечала, особенно голоногих девчонок, но им все было нипочем! Пашка, добравшийся до горки первым, уже полез было на нее, однако кошка спрыгнула вниз и шмыгнула под горку, в какую-то маленькую каморку, которую никто из ребят до этого не замечал из-за высокой травы.

Само собой, все они разом кинулись туда, застряли, пыхтели, отталкивая друг друга, но Валя оказалась не только самой длинной, но и самой худой. Она ввинтилась между Пашкой и Сашкой – и первой пролезла в каморку.

Тут Вале пришлось согнуться в три погибели, и она принялась озираться. Кошку не нашла, зато увидела кое-что, из-за чего мгновенно о ней позабыла.

Удивительно, но о кошке точно так же враз позабыли и Пашка с Сашкой, и Люда. Они с восторгом уставились на одежду, кучкой лежащую на земле. По обе стороны ее валялись кроссовки, скинутые явно впопыхах.

– Смотрите! – завопила Валя. – Это джинсы Тунца! И майка его!

– И кроссы его, – добавила Люда.

Ну, девчонки вообще более приметливы, чем парни, однако и Пашка с Сашкой согласились, что барахлишко принадлежит Дохламу Тунцу.

– И что? – изумился Пашка. – Он все сбросил и голышом отсюда чесанул? Как же мы не заметили такой картины?

Девчонки захихикали, жеманно отводя глаза. Но Сашка, который очень любил рассуждать логически, сказал:

– Глупости. Он переоделся в какие-нибудь другие вещи. И ушел.

– Переоделся именно здесь? – переспросила Валя, до которой, наверное, из-за ее роста, вообще туго доходило. – А почему домой не пошел?

– Ну, может, новые шмотки такие классные купил, что не мог утерпеть, – предположила Люда.

Сашка посмотрел на нее с презрением. Конечно, Дохлый Тунец был сущим валенком, но все же оставался каким-никаким, а мальчишкой. Сашка решительно не мог представить мальчишку, который бы так вздернулся из-за нового барахла, что стал бы в него переодеваться в парке, под детской горкой. Девчонка – да, могла: у них же, у девчонок, крыша сразу трогается в путь, когда они видят новые тряпки. А мальчишка...

Вообразить такое у Сашки не хватало фантазии.

– Я знаю! – страшным шепотом провозгласил Пашка. – Тунец переоделся нарочно! Он кому-то мозги пудрит. Прикидывается, будто он – это не он! Понимаете?

Разъяснение всем понравилось. И очень хотелось узнать, что же такое задумал Дохлый Тунец, кого собрался обмануть.

Но как это узнаешь? Не будешь же сидеть и ждать его возвращения здесь, в каморке под горкой, куда уже начали собираться парковые комары, почуявшие свежую кровушку.

– Слушайте! – восторженно завопила Валя. – А давайте мы Тунцовы одежки отсюда унесем! Заберем с собой, а ему записку напишем, что отдадим только тогда, когда он расскажет, зачем переодевался.

– Да ну, еще записку писать, – прорыла Люда, которая вообще была ленива. – Пускай побегает поищет, а потом, вечером, мы ему позвоним и сообщим, что это мы шмотки взяли. И пускай все рассказывает!

Представив, как Тунец подергается, все повеселели. Одежду свернули и сунули в пыльный старый пластиковый пакет, который завалился в углу каморки. Кроссовки понесли отдельно.

С великим трудом, повизгивая и ругаясь, вылезли из крапивы, недоумевая, как это так лихо в нее залезли. Остановились, с ужасом рассматривая красные пятна на коже и почесываясь. Про кошку уже никто не вспоминал. Вообще все как-то выходило так, будто полезли ребята в крапиву из-за Тунца. И все на него страшно разозлились! Тащить домой его дурацкую одежду никому не хотелось, тем более что у пакета немедленно оторвались ручки. Вдобавок все вспомнили, что мороженого, ради которого пришли в парк, они так и не купили!

Почему?.. Наверное, тоже из-за Тунца!

– Слушайте, – брезгливо сказала Валя, – вон там мусорные ящики стоят – давайте выкинем все это барахло. Пусть Тунец поищет!

– Но тогда нам не узнать, зачем он переоделся! – рассудительно сказал Сашка.

– Да и фиг с ним! – отмахнулся Пашка. – Тунец дурак, и тайны у него дурацкие! Зачем они нам? Пошли лучше мороженое есть.

Путь к лотку с мороженым лежал как раз мимо мусорки – ну разве что чуть-чуть надо было свернуть. Ребята выбросили вещи Тунца, а потом, вытерев руки о траву (старательно приглядываясь, чтобы не схватиться за крапиву!), побежали есть мороженое. Каждый взял по два шарика. Сели на лавочку и стали наслаждаться, поглядывая на мусорные ящики.

Почему-то им было очень весело при мысли о том, что там лежат вещи этого дурака Тунца. Они непрестанно хихикали. И чуть не попадали от смеха со скамеечки, когда около мусорки появился какой-то человек в плаще с капюшоном, из-под которого торчала только

буйная седая борода, и, покопавшись в ящике, извлек оттуда пакет с одеждой Тунца и его кроссовки.

Довольно ухмыльнувшись, он потопал прочь, бережно держа пакет и что-то бормоча.

До ребят долетело:

– Ну, теперь-то он мне должок простит! Только все это в овраг еще надо отнести, как он велел...

«Он», смекнули ребята, это какой-нибудь скупщик секунд-хенда, добытого на помойках. А потом он свой вонючий товар продает кому-нибудь. Но ему долго придется искать такого же тощего покупателя, как Дохлый Тунец! Может, его и в природе не существует! А в каком-то овраге у дядьки в плаще, наверное, встреча с этим скупщиком. Явка. Стрелка у них там забита. Вот цирк!!!

Они так развеселились, что взяли еще по порции мороженого. И снова по два шарика!

Правда, сидеть в парке им больше не хотелось. И они ушли, вкусно хрупя вафельками.

Тогда хорошенькая черная кошечка, которая все это время сидела на ветке как раз над их головами, проворно спустилась по стволу клена на землю, ударилась об нее, обернулась клубком перекасти-поля – и с невероятной скоростью унеслась куда-то, несомая ветром, который, к слову сказать, только что дул в противоположном направлении.

История Ярро

Начало зимы выдалось ветреным, снегопадным. На сером, будто бы неохотно проступающем рассвете воздух становился мягче, влажнее, а потом задувал ветер. Сначала еле-еле, а потом все сильнее и сильнее. Он наносил запахи встревоженных непогодой зверей, а вскоре уже ничего нельзя было разобрать, потому что струи стремительно летящего снега забивали ноздри и глаза.

Охотиться было почти невозможно: буран утихал только на короткое время перед рассветом.

Вскоре метель неожиданно резко стихла, чтобы больше не возобновляться. Улегся ветер, небо словно бы стало выше, по нему неслись, чередуясь, клочья белых и серых облаков – верховик не утихал, но лес уже не трогал. В такой день можно было бы подумать и об охоте: волки проголодались. Но Герро прежде всего решил обойти уголья стаи и восстановить границу.

С собой вожак взял Ярро.

Это был длинный и долгий путь. Снегу, рыхлого и влажного, выпало так много, что бежать стало почти невозможно. Приходилось в основном передвигаться прыжками, взрыхляя сугробы.

Сердце Ярро больно билось, дыхание стало жгучим. В горле пересохло. Он часто хватал зубами снег, стараясь поспеть за отцом, который неумоимо прыгал впереди, весь белый, в куржаке³, останавливаясь то у крупных деревьев, то у занесенного бурелома, поднимая заднюю ногу – метил границы охотничьих владений. Потом отца сменил запыхавшийся Ярро.

Наконец он устал так, что уже почти ничего не видел. Ему все время хотелось лечь.

Но вот вдруг отец насторожился. Замер. Вскинул голову, уши стали торчком. Тело напряглось.

Ярро не мог справиться с дыханием, но Герро, покосившись в его сторону, угрожающе обнажил клыки.

В лесу было тихо-тихо, лишь, поскрипывая, терлись друг о друга голые ветви в вершинах деревьев. А прямо на волков тянуло кружащим голову ароматом пищи!

³ Куржак – иней, выступающий в сильные морозы на ветках деревьев или на вспотевшей звериной шерсти.

Ярро уловил запах распаленного скачкой по сугробам и бурелому оленя, его чуть отдающее горячей хвоей дыхание...

И вскоре он появился перед волками. Голова закинута назад, широкая грудь залеплена снегом, спина круто заиндевела. Огромные рога напоминали ветви роскошной сосны.

Олени часто бродили здесь, на гористом склоне. Особенно осенью, когда у них начинался гон и они носились по лесу, не разбирая троп и не чуя опасности. Но, наверное, из-за обильных снегопадов стадо оленей не могло уже прокормиться на прежнем месте. Обычно зимой они спускались с редколесных холмов в долины, где легче найти корм. А этот забрел на сопку.

Так или иначе, олень ничего не найдет здесь, а вот волки, похоже, нашли добычу.

И тут олень их учуял. На миг он застыл, угрожающе нагнув рога. Герро длинными прыжками приближался к нему, будто собираясь атаковать в лоб, а тем временем Ярро обходил оленя сбоку. Рыхлые сугробы и бурелом замедляли его бег.

Олень скосил налившийся кровью глаз и увидел Ярро. Будь впереди только один волк, олень обязательно попробовал бы на нем свои копыта и рога. Но связываться с двумя ему не хотелось. У него еще есть возможность уйти и оставить с носом этих двух серых наглецов.

Тем временем по узкому, стиснутому крутыми сопками руслу реки шел человек. Иногда, обнаружив знакомую приметку, он сворачивал со слегка припорошенного льда – ветром, как в трубу, унесло весь снег, но все-таки по реке идти легче, чем по бурелому, – и заходил в чашу.

Человек был недоволен. Этот многодневный снегопад похоронил все капканы...

Ему хотелось найти хоть какую-то добычу, чтобы принести ее в город и похвастать перед друзьями.

С достоинством держа голову, олень повернулся спиной к Герро и пустился вскачь.

Ярро взвизгнул с досады. Добыча уходит!

Он растерялся, сел было на лапы, но, увидев, какую скорость набирает, начав погоню, его отец, вскочил и кинулся следом.

Чтобы не столкнуться с Ярро, олень взял чуть в сторону. Ему приходилось то и дело наклонять голову, чтобы не запутаться рогами в ветвях. Скорость бега все-таки замедлялась.

Ярро, поняв замысел отца, бежал по краю ельника: отсекал оленя от чистого пространства, направлял его на неудобный склон. Под сугробами трудно было различить камни, и олень часто останавливался.

Но вот ельник кончился. Выбравшись на открытое место, олень горделиво оглянулся, закинул голову и снова понесся огромными скачками. Он разгадал, что задумали волки, но это его не испугало. Он был уверен, что сможет уйти к спасительным склонам на крутом берегу и там, встав на обрыве, не подпустит к себе волков!

Солнце садилось. Дальние сопки утрачивали четкость очертаний, растворялись в дымке. Над их смутной голубизной плыла красноватая полоса заката. Вверху она словно бы линяла, желтела, переходя в зеленовато-вечернюю, медленно сгущающуюся синеву.

День истлевал, и вышину уже проколола своим ледяным лучиком первая дрожащая звезда.

Человек нехотя оторвал от нее взор – и чуть не вскрикнул. На крутом выступе нависшей над берегом скалы, четкий и темный, словно бы нарисованный стремительным взмахом кисти на еще светлом фоне неба, возник силуэт оленя.

Казалось, из-под копыт, секущих камни, летят искры. Наконец олень вскочил на скалу и быстро повернулся к волкам, угрожающе нагнув голову. Он победил.

С трех сторон клыкастые камни, сзади обрыв. Пусть сунутся!..

Ярро бросился было к нему, но сорвался с камня и закружился, бессильно поскуливая. Неудача!..

Герро, подавляя злобный рык, умиряя сорванное дыхание, сел, отвернув острую морду, но сторожа косым взглядом каждое движение сухих точеных ног оленя. Этот рогач умеет только быстро бегать. Сам себя загнал на обрыв и конечно радуется: спасен!

Герро лег, вытянулся. Волки умеют ждать. Они будут караулить сколько понадобится. Лежать, сидеть в снегу – ждать! Надолго ли хватит сил у оленя? Терпения у волков больше.

Ярро понял отца и радостно прищурился.

Конечно, есть хочется... Но пройдет немного времени, и он, уворачиваясь от бешено машущих в последних судорогах копыт – одного удара их достаточно, чтобы пробить грудь волка! – намертво прижмет оленя к земле, вцепившись в его шею, ощущая колючий, жесткий запах его шерсти, упругость кожи, вкус распаленной страхом крови...

Крупный, красивый, зрелый самец! Удача просится в руки. Вот это добыча! Будет чем гордиться!

Человек сорвал с плеча ружье и, почти не целясь, выстрелил.

Гром прокатился над сопками. Олень неуклюже свалился за камень.

Ярро растерялся. Почему упал олень? Почему зимой гремит гром?

Тем временем Герро, который вначале тоже остолбенел, удивляясь падению оленя, вдруг повернулся и длинными прыжками, словно усталости и не бывало, понесся к ельнику.

Опытный волк знал, что означает гром среди зимы. К тому же этот гром один раз не бьет... Да, волчья добыча стала добычей человека, но с этим придется смириться. Пока возможно, надо позаботиться о себе и стае, которая не должна остаться без вожака.

Он бежал со всех ног, не оглядываясь на Ярро: волк должен следовать за вожаком, если хочет остаться жив.

И действительно, первым порывом Ярро было броситься за отцом. Но уже через миг лапы сами понесли его к обрыву.

Гром... падение оленя... непонятное поведение всегда храброго Герро... И что-то, наверное ненависть, которую Ярро берег в себе и которой гордился, подсказала ему: там человек!

* * *

Клубок пыльной травы выкатился из зеркала прямо на меня – и мигом обернулся сначала черной кошечкой, а потом Шамаханской царицей, вернее Гатикой.

Я с горечью посмотрел на нее, а она отвела свои зеленые глаза.

Вот же шустрая какая ведьмина внучка! Зря ее бабка укоряла да бранила! Гатика везде поспела! Не удалось ей протащить ребят под веткой и в зверей превратить, так она их заставила мою одежду спрятать.

Хотя разве Гатика виновата? Никто никого на самом деле не заставлял. Эта компания сама по себе решила мне напасть. Такая уж эта публика пакостная...

Да какая разница, кто виноват? Главное, что одежды моей больше нет, а значит, а не могу вернуться в человеческий облик. Зерцало-мерцало, даром что кривое, показало мне мою горькую судьбину с необычайной прямоотой!

– Ну, понял теперь, что назад тебе пути нет? – послышался голос карги. – Нагляделся на дружков своих? Тяжко было? Понятно! Больно уж зло над тобой подшутили, да? Ну, чтоб тебе неохота стало их вспоминать, чтоб не тосковать о прошлом, глотни-ка забудущего зелья!

Она взяла позеленелый медный черпак, валявшийся на грязном земляном полу пещеры, и щедро зачерпнула из котла, который продолжал булькать, распространяя вокруг себя мерзкое зловоние.

Красная, как рак, вареная лягушка с пронзительным кваканьем выскочила из черпака и плюхнулась обратно в котел, взметнув множество брызг.

– А, волчьи ягоды и корни мандрагоры! – зло прорычала карга.

Я вспомнил, что уже слышал это выражение. Видимо, это было какое-то специальное ведьминское ругательство.

– Не готово! – ярилась сова. – Надо еще покипеть. Мало терпкости, и вообще... Вот как лягухи до мягкости разварятся – тогда и выпьешь.

Стоило представить, что придется пить какую-то вонючую жижу, в которой будут плавать разваренные до мягкости лягухи – да и еще невесть что туда «для терпкости» намешано! – как меня едва не вырвало. Я начал так дергаться, что, чудилось, даже стены пещеры задрожали. На голову посыпались какие-то сушеные травы и не менее сушеные зверушки.

– Тихо! – рывкнула ведьма, замахнувшись на меня плеткой – похоже, той же самой, которой она хлестала Гатику. – Сейчас шкуру вспорю так, что...

Шкуру вспорет?!

Так ведь это то, что мне нужно! Может быть, мне удастся наизнанку вывернуться, как я в парке вывернулся! Снова стать человеком! Сбежать отсюда! Не знаю куда, не знаю как, пусть голышом, пусть босиком через леса и доли – но я бы вырвался!

Видимо, все мои мечты слишком отчетливо нарисовались у меня на лице... ну, то есть на морде, потому что ведьма ехидно расхохоталась.

– Зря встрепенулся, оборотень! – злорадно сказала она. – Коли одежда твоя спрятана незнамо где, нет тебе пути назад.

Она отбросила плетку и с нагугой помешала черпаком в котле.

– Долгонько еще ждать, – пробормотала огорченно.

Я старался не думать о том, как меня это обрадовало. Чтобы ведьма не догадалась о моих мыслях! Лично я готов был ждать, пока забудущее зелье сварится, сколько угодно долго! Может, за это время я сообразил бы, как смыться отсюда!

Да, похоже, не думать мне не удалось...

– Больно прыток да ретив! – проворчала карга, покосившись на меня. – Смыться, ишь, вознамерился! Кажись, одним зельем тебя не удержишь... Да что это я! – вдруг хлопнула она себя по лбу, однако никакого звука слышно не было, потому что перья, покрывавшие совиную голову, смягчили шлепок. – У меня же волосы, волосы же есть... Я готовилась, ждала тебя! Я ж знала, что ты рано или поздно ко мне попадешь! Должен попасть! Потому что нету у неврам такой силищи, которая меня б осилила!

«Опять какие-то невры... – подумал я. – Что же это значит?»

В это время карга пошарила в куче мусора, сваленной в углу, и вытащила тонкую прядь волос, перехваченную сухой травинкой. Волосы были женские – длинные, чуть вьющиеся. И цвет у них был красивый-красивый – пепельный.

Я вдруг вспомнил, как читал «Трех толстяков», и спросил у родителей:

«Тут написано, что волосы у Суок были «такого цвета, как перья у маленьких серых птичек». А почему просто не написать – серые?»

«Потому что они были, наверное, не серые, – пояснила мама, – а пепельные!»

«Такие, как у нашей мамы», – сказал отец и осторожно заправил ей за ухо легкую кудрявую прядь.

И вот сейчас эта мерзкая карга, эта сова, эта ведьма, эта *vieille chouette* держала в своих толстых когтистых пальцах прядь именно такого цвета, какими бывают перья у маленьких серых птичек.

Пепельного цвета. Как у моей мамы!

– Узнал матушкины волосы? – растроганно прошипела карга.

Примерно с такой же степенью растроганности могла шипеть змея перед трупом человека, которого она только что ужалила до смерти.

– Это хорошо... Вот из них мы сейчас для тебя путы и сплетем! Они тебя крепче любого зелья повяжут!

И все же я не мог поверить, что это волосы моей мамы. Как они здесь могли оказаться? К тому же ведь мама уже давно...

И тут все мысли вылетели у меня из головы. Я остолбенело следил, как ведьма выволокла на середину пещеры огромную деревянную кадку. Сразу стало ясно, откуда так несло навозом!

В эту кадку ведьма проворно зарыла прядь пепельных волос, а потом выхватила из очага полено, на одном конце которого играли языки пламени, и принялась водить поленом над навозом, бормоча при этом что-то неразборчивое.

Да я, строго говоря, и не вслушивался особо – больно надо! Не до того мне было. Я смотрел, как над навозом начал куриться парок, а потом оттуда полезли тоненькие серые змейки... нет, не серые, а того самого цвета...

Пепельные!

Это мамины волосы в змеек превратились. Нет, их ведьма превратила!

– Догадался, вижу! – хмыкнула она, взглянув в мою перекошенную от страха физиономию... ну или морду, да назовите как хотите, мне уже все равно! – Ну прямо на глазах умнешь! Радуйся этому, пока живой!

С этими словами карга собрала змеек одной рукой, пальцами другой провела меж ними, словно причесывала – и швырнула на меня!

Не знаю, орут ли волки, собаки или оборотни, но я орал так, что у меня аж горло судорогой свело. Потом закашлялся – чуть не задохнулся!

Когда немного пришел в себя и перестал дрожмя дрожать, посмотрел на ведьму – а она опять хохотала, широко разевая свой совиный клюв и шуря страшные черные глаза.

Да, повезло ей нынче, ничего не скажешь! Устроил ей цирк Дохлый Тунец, оборотень-неудачник!

Я покосился на свое туловище, думая, что змейки болтаются на мне, как присосавшиеся пиявки, однако их видно не было: похоже, шмыгнули в мою шерсть и там залегли, затаились. Но кое-где, я чувствовал, в кожу мне впиваются маленькие острые зубки.

– Вот-вот, – кивнула ведьма. – Это змеи в тебя впились. Ты будешь буянить – а они кровь твоей матушки пить будут. Тебе-то ничего, легкую боль почувствуешь, а она упадет обескровленная! Так что лучше смирись и не дергайся.

Я замер. Только сердце колотилось как бешеное!

– Да откуда же вы волосы моей мамы взяли? – спросил с безнадежной тоской.

– Их мне принес тот же человек, который сделал тебя оборотнем еще до твоего рождения, – ответила ведьма. – Хочешь знать, как это произошло?

Я не хотел смотреть... не хотел, но вдруг услышал голос – человеческий голос, не ведьминский! Я сразу узнал его. Это был голос дяди Вади!

Ох, как я ему обрадовался! Начал оглядываться, хотя сразу понял, что это ерунда.

Каким чудом дядя Вадя оказался бы в пещере?! Голос шел из кривого зеркала...

А потом я увидел и самого дядю Вадю. Но он был совсем другой, не такой, каким я его помнил. Гораздо моложе, нормально подстриженный и без этой его дурацкой седой бородищи, которая вечно торчит во все стороны и в которой застревает еда. Он был очень даже симпатичный, дядя Вадя!

Он стоял в прихожей какой-то квартиры и доставал из рюкзака здоровенный сверток в полиэтиленовом пакете. Из свертка пахло мясом, кровью, и я невольно вздрогнул – так

вдруг подвело живот. Я же ничего не ел со вчерашнего дня. Завтракать не хотелось. Шоколадный батончик, который мне дала в мастерской Марья Петровна, где-то потерялся. А сейчас сколько времени? Сколько часов – или дней?! – прошло с тех пор, как я примчался вслед за черной кошкой в заросший овраг неподалеку от кладбища, откуда меня утащила в своих когтях ведьма-сова?

Папа и мама, наверное, меня уже обыскали... может, даже потеряли надежду найти...

Но я тут же забыл обо всем на свете, потому что увидел в зеркале... папу и маму. Но так же, как и дядю Вадю, я узнал их не сразу. Они были не такие, как сейчас!

У мамы была смешная, недлинная растрепанная коса. Я сразу эту косу вспомнил. Она лежала, завернутая в шелковый платок, в старой шкатулке. Мама постриглась перед моим рождением: говорила, у нее в это время почему-то стали очень сильно лезть волосы, и теперь она всегда носила их довольно короткими, а косу сохранила на память. Значит, я вижу маму такой, какой она была еще до моего появления на свет?! Ну да, вот почему она такая молоденькая, тоненькая, на девчонку похожа! А рядом с ней стоит какой-то старшеклассник, очень напоминающий моего папу... да это же он и есть, тоже ужасно молодой. Не старшеклассник, конечно, а студент. Папа и мама поженились, когда учились на втором курсе.

Папа такой смешной, тощий! А я-то не мог понять, в кого я такой задохлик уродился!

Хотя оба мои родителя в молодые годы были ужасно худые – вот смех! – теперь папа накачал в тренажерке такие мышцы, что запросто меня и маму разом поднимает, ну а она нарочно голодом себя морит, чтобы не толстеть, и говорит, что я своим рождением перевернул весь ее метаболизм.

Вот смех!

А где это они находятся? Да это вроде наша прихожая, наша квартира!

Только обои другие. И вешалка простенькая, и зеркало маленькое... Теперь здесь все по-другому!

Видимо, так прихожая выглядела, когда мама с папой туда только переехали.

Пока я таранился на моих молоденьких родителей и разглядывал тесную прихожую, я от изумления даже не слышал, о чем они там с дядей Вадей говорят. И вдруг до меня снова донесся его голос.

– Не, ребята, даже и не думайте отказываться! – твердил дядя Вадя. – Когда еще счастье выпадет оленины поесть?! Молодой зверь, жирка нагулял в меру, мясо мягкое, быстро готовится. Можно в красном вине потушить, можно в томате. Ну, перчик, лучок, чесночок – это самой собой... В охотку поедите, за уши не оттянешь! А то уж больно вы тощие да бледные! Понимаю, студенты, денег мало, на спичках экономите. С недоедания у вас и дитёнок никак не заводится. Берите мясо и даже не думайте отказываться!

– Спасибо, дядя Вадя, – вежливо сказал мой молодой папа. – Большое спасибо.

И взял сверток.

– Спасибо, – шепнула мама и покраснела.

Ага, вот в кого я такой застенчивый и вечно краснею, надо или не надо!

– Кушайте на здоровье, – ухмыльнулся дядя Вадя. – Спасибо скажите доброму боженке, который мне помог нож вытащить, пока этот чокнутый волк лаял! Если бы я его в бок не саданул, не видать бы вам ни оленины, ни дяди Вади!

И он жизнерадостно захохотал.

– Вот посмотрите, потом фотку шелкнул! – Дядя Вадя показал фотографию, сделанную, видимо, «Полароидом»: олень упал, уронив рога в снег, а на его боку лежит мертвый волк, и кровь стекает по его шерсти.

Именно эта фотография была помещена в дяди-Вадиной книжке на тринадцатой странице. На той странице, которой я порезался...

А потом, пожелав приятного аппетита, дядя Вадя ушел.

Мои родители, которые меня еще не родили, смотрели друг на друга и улыбались.

– Как-то неудобно получается, – робко сказала мама. – Что это он вдруг так расщедрился?

– Видимо, олень был настолько большой, что все мясо в их холодильник не поместилось, – хмыкнул отец. – Вот тетя Вика и сказала ему: отнеси, мол, племяннику, не выбрасывать же!

– Это ужасно, что мы так говорим, – сказала мама смущенно. – Может, он от чистого сердца...

– Да, зря я, в самом деле, – виновато кивнул отец. – Просто вспомнил вдруг, как я прожил у них недели две – на каникулы приезжал. Давно, мне лет пятнадцать было. Я из деревни приехал – толстый был такой, а за эти две недели отощал изрядно. Тетя Вика, сама знаешь, такая скупердяйка! Да это ерунда. Я все равно эти дни, что у них провел, добром вспоминаю. У них была собака, лайка, совсем щенок. Чудесная такая! Ее звали Сильва.

– Сильва? – засмеялась мама.

– Ну да. Как ни странно, охотничьих собак очень часто этим именем называют. Короче, эта собачка болела, простудилась, и я с ней возился день и ночь. Думаю, именно благодаря мне она выздоровела. Ох, как я к ней привязался, как ее полюбил! Умолял, чтобы мне ее отдали. Всяко в деревне лайке было бы лучше, чем в городской квартире! Не отдали, конечно... Хотели чистопородных щенков разводить!

– Что-то я не помню у них собаки, – удивилась мама. – Или она уже умерла?

– Дядя Вадя говорил, что он ее какому-то охотнику продал, – ответил отец. – И правильно сделал – охотничья же собака! Но я ее до сих пор помню!

– Осторожней! – воскликнула мама. – Кровь из пакета на пол капает! Пойдем на кухню. Вообще, знаешь... спасибо твоему дяде. Так ужасно захотелось жареного мяса – ты просто не представляешь! С картошкой!

– Отлично представляю! – сказал отец и облизнулся. – Ну, пошли его жарить! А картошку – пюре, ага?

– Ага, – засмеялась мама – и ее смех был последним, что я услышал, а улыбающееся лицо – последним, что увидел...

– Мама! – завопил я, но зеркало померкло.

История Ярро

Человек склонился над оленем, все еще не веря своим глазам, не веря удаче. Удачным выстрелом он ранил зверя, и тот от боли потерял способность двигаться. Если бы это был человек, можно было бы сказать, что он потерял сознание!

Надо пристрелить его, пока не очухался, потому что раненый олень может быть так же опасен, как дикий зверь, как волк!

А он уже приходит в себя...

Человек передернул затвор, спустил курок, но выстрела не последовало.

Он не перезарядил «тулку»! А олень на глазах набирался сил! Рана оказалась не такой уж и тяжелой. Сейчас он бросится на врага, подцепит его рогами – и...

И вдруг человек уловил краем глаза какое-то движение.

Он поднял глаза к той скале, где только что стоял олень, – и обомлел, увидев бегущего на него волка!

Человек не был в лесу новичком. И все же он растерялся и только тупо смотрел, как волк вскочил на шею оленю и перервал ему горло зубами, как бы утверждая свое право на эту добычу. А потом, жадно глотнув крови умирающей жертвы, повернулся к новой.

Так вот он какой, человек! Не страшный, не злой с виду... Но это же человек! И Ярро прыгнул на него, еще чувствуя в пасти вкус крови оленя.

Сейчас он узнает, каков на вкус человек!

Тяжесть волка опрокинула охотника, Ярро придавил его сверху, почти уткнувшись пастью в судорожно запрокинутое лицо. Он не чувствовал, как локоть человека больно уперся ему в горло, как другой рукой тот осыпает его ударами, рвет шерсть на загривке. Напряженно оскалившись, он уже готов был вонзиться в теплое, живое, дрожащее горло...

И вдруг ошеломляющая волна запахов накатила на Ярро. Он замер, придавливая своим телом распростертого на снегу человека, и силы внезапно покинули его.

Ярро задохнулся, захлебнулся в воспоминаниях, которые, оказывается, сама того не зная, оставила в его зубах, когтях, глазах, каждом волоске Сильва.

Значит, она научила его не только ненавидеть человека? Он словно бы ощутил на затылке мерное и ласковое шевеление человеческой ладони и почувствовал, что в нем борются ненависть к этому существу – и внезапное желание отдать за него жизнь.

Ярро чувствовал себя одновременно и предателем, и другом...

Такого разрывающего ощущения не мог знать ни один настоящий волк, и это, смутно чувствовал Ярро, выбрасывало его вон из стаи. Теперь он действительно был чужой: чужой отцу-волку, чужой матери-собаке, чужой себе, чужой этому полуживому от страха, долгожданному человеку, которого не мог убить!

Горло Ярро сжалось. Он отпрянул от распростертого человека. Странные звуки рвали его грудь, и от звуков этих так и захотелось навсегда остаться на снегу стылым комком!

Он зажмурился, откидывая голову, и вдруг мучительно, надрывно и неумело... залаял.

Человек какое-то время смотрел на странного волка, не веря своим ушам, не веря глазам. Наконец кое-как перевел дыхание и осторожно нашарил на ремне ножны.

* * *

Я рванулся вперед, но увидел только серую морду совы с этой ее мохнатой медвежьей челюстью, которая на меня всю скалилась.

Типа, веселилась!

– Обратнем сделаться – дело нехитрое, – сказала карга. – Кого укусить, кого под заговоренной веткой проташить, кого поясом заколдованным обвить. Ну и еще верное средство имеется. Если женщина поест мяса того зверя, которого убил волк, а потом у нее ребенок родится, то и он тоже рано или поздно, когда час его пробьет, волком взвует и в шкуру оденется. Оленя ведь не этот охотник убил – оленю глотку волк перервал! А твоя матушка мяса поела. Потом тебя и родила. Два отца у тебя: один – человек, другой – волк. Как же тебе было не обернуться?! Ничего не скажешь, подгадил тебе этот охотничек... Ну что ж, если он убил пощадившего его – человека ли, зверя, – значит, навеки проклят был, навеки силам зла душу отдал, значит, теперь он легкая добыча!

– Для кого легкая добыча? – тупо спросил я.

– Да для кого угодно, – пожалала сова плечами. – Кому понадобится слуга – для того и добыча. Теперь из него, как из глины, любой колдун или ведьма лепить может что хочет. Хоть дурное, хоть хорошее. Один колдун, враг мой, первым его себе подчинил. Однако Гатике удалось однажды набросить на него веревку с наузами⁴ – он и мне стал служить! По моему приказу срезал прядь волос твоей матушки да принес мне, чтобы этими волосами тебя смертно связать.

⁴ Наузы – узлы (древнерус.).

Гатика чуть слышно фыркнула. И я, кажется, знал почему! Оставалось только диву даваться, что ведьма ничего не заметила...

Дядя Вадя не мог срезать эту длинную прядь у мамы с головы, потому что у нее волосы короткие! Она давным-давно подстриглась! Он мог только вытащить эту прядку из шкатулки, которая стояла наверху на серванте.

Дядя Вадя часто у нас бывал. Он все наши секреты знал.

Да какая разница – срезал или в шкатулке взял?! Главное, что это были мамины волосы. И они обратились в змей и присосались ко мне. И если я буду сопротивляться, моя мама погибнет!

Я так и обмер! Стоял как памятник, боясь змей прогневить.

– Вот и хорошо, – сказала карга таким довольным голосом, как будто моя покорность была мечтой всей ее жизни. – А теперь, для верности, глотни, волчишка, забудущего зельяца. Оно аккурат дошло!

Зачерпнула жуткого огненного варева и поднесла к моим губам.

От этого его духа у меня в голове как бы смерклось, и мне стало до такой степени все на свете безразлично – даже то, что «лягухи», конечно, разварились до мягкости и этот кипящий напиток, конечно, прожжет мои внутренности насквозь! – что я покорно глотнул.

Я не почувствовал ничего. Ни вкуса, ни жара, ни запаха. Безразличие сковало меня словно крепкими цепями, и все звуки доносились как бы издалека.

– Дай ему допить, – услышал я голос ведьмы. – Да покрепче черпак держи, не обрызгайся, иначе тебя же до костей опалит! А я пойду местечко ему приготовлю. Да поуютней!

Она захохотала, а потом до меня донеслось хлопанье крыльев. Значит, сова улетела.

Но и это было мне безразлично. Так же как и голос какой-то девчонки, которая сердито тормошила меня и твердила:

– Очнись! Да очнись же! О, вот засоня! Проснись, слышишь?! Если бабка тебя такого в лес уволочет – всё, погибнешь сразу! Проснись же! Нет, никак! Что же мне делать?! А, знаю! Знаю!

И тут мне показалось, что грудь мне что-то скребет. Сначала слегка, а потом все сильнее, и вот уже боль сделалась такой ужасной, что одолела мое оцепенение.

Я очнулся, опустил глаза – и даже взвыл от изумления, увидев, что на моей груди сидят несколько разноцветных маленьких кошечек – черная, серая, белая, рыжая, полосатая, пятнистая – и всеми своими лапками, во все свои когти скребут мне шерсть... да так, словно душу мне насквозь проскребают! Теперь я завывал уже от боли!

Однако то, как мне кошки душу скребли, не понравилось не только мне, но также и змеям, затаившимся в моей шерсти. Они вдруг сплошняком полезли наружу, падали на пол, норовя расползтись по углам, и настал миг, когда я почувствовал, что ни одной змейки-кровопийцы на мне не осталось.

Кошки тоже все с меня спрыгнули и принялись стремительно носиться по пещере, этих змеюк вылавливая. Потом собрались все вместе, разом перекувырнулись – и вот уже передо мной стоит Гатика, зажав в кулачке прядку маминых пепельных волос. Раз – и швырнула их в огонь!

Я снова взвыл тоскливо, а Гатика строго сказала:

– Еще хорошо, что этот человек взял волосы состриженные, а не сам срезал их с головы твоей матушки! Тогда не удалось бы мне их выскрести из твоей души. А теперь слушай. Если бабка заметит, что я змей повытаскала и зелья тебе не дала, она и тебя, и меня прикончит. Ты должен вести себя так, чтобы она ни о чем не догадалась! Когда она появится, сразу ляг наземь и лежи, будто спать хочешь неодолимо. И не противься, когда в лес потащит. А уж когда она уйдет, попытайся как-нибудь удрать. Ищи *грань лесную* – она с тем оврагом смыкается, откуда тебя сова унесла.

– Не пойму, – пробормотал я. – Ты меня в овраг привела, этой старой карге отдала, а теперь спасаешь?

Ох, как она голову строптиво вскинула! Ох, как ее глазищи засверкали!

– Я тебя привела?! – взвизгнула заносчиво. – Да ведь ты сам за мной тащился как пришитый! Я, конечно, боялась бабку послушаться, поэтому заманивала тебя, но все-таки потихоньку предупреждала – беги, мол, отсюда! Я же говорила тебе: отстань, пошел вон! Было дело?

– Ну, было, – согласился я.

– Чего не отстал, спрашивается? Ну вот можешь ты объяснить? Можешь мне сказать?!

Объяснить я мог. Сказать ей – нет...

– А тебя почему Гатикой зовут? – спросил я вместо ответа.

Она аж покраснела от злости!

– Да ведь я кошка! Потому и зовусь так на колдовских языках!⁵ Как меня должны еще звать?!

«Шамаханская царица», – чуть не брякнул я, но прикусил язык.

Девчонкам такое говорить нельзя! Больно много о себе вообразать начинают!

Да Гатика и не ждала ответа:

– Хватит болтать! Слышу, бабка летит! Быстренько прикинься спящим, да не забудь так себя вести, как я велела, а не то и себя, и меня погубишь!

«Я тебя еще увижу?» – чуть не спросил я.

На счастье, не успел – в пещеру влетела сова.

Vieille chouette!

Старая карга, короче.

Я едва успел свалиться наземь и принять самый идиотский и самый сонный вид, на какой только был способен.

– Готов, – довольнехонько проухала сова. – Ну, на место!

Зазвенела цепь, которую с меня снимали, потом в мой загривок вцепились когти – и я почувствовал, что меня куда-то волокут.

– А я поплю... – мяукнула Гатика вслед. И сладко зевнула.

Сова волокла меня как мешок, а я мог думать только об одном: верю я Гатике или нет, плохая она или хорошая. С одной стороны – ведьмина внучка и хотела ребят оборотнями сделать. С другой – меня сначала прочь гнала, чтобы я в беду не влип, а потом выдрала из меня змей, когда на душе у меня кошки скребли.

И я вдруг понял, что «плохая», «хорошая» – эти слова, тусклые и однозначные, как будто бы картонные, остались в прошлой моей жизни, а теперь я попал в жизнь другую, где все куда сложнее.

Вот я кто? Человек? Зверь? Нет, что-то среднее – оборотень. Так и Гатика. Внучка ведьмы, кошка, которая творит по приказу этой карги зло, но в то же время – девочка, Шамаханская царица, и она пытается меня спасти!

Что-то среднее...

Эти мысли настолько меня отвлекли, что я висел в когтях совы как мешок – и вдруг ударился о землю так резко и больно, что обязательно взвыл бы, если б не вспомнил, что полусонному и одуревшему пленнику, какого я обещал изображать, вообще должно быть все по барабану.

И промолчал, и плюхнулся плашмя – и услышал насмешливое совиное уханье:

– Ну, прощай, оборотень! Может, до утра доживешь...

⁵ Кошка – *гата* на древнегреческом, *гатта* – на латыни. Слова из этих языков часто используются в колдовских заклинаниях.

Потом до меня донесся шелест крыльев. Шелест становился тише и тише. Я кое-как перевел дух и открыл сначала один глаз, потом второй.

Было темно. То есть я знал, что должно быть темно: вечер, звезды, луна, все такое, – но я все видел реально, как днем. Отчетливо видел кусты и деревья, которые столпились вокруг меня; истоптанную до земли траву, следы, которые оставили мои лапы...

Я посмотрел на эти следы, потряс головой, зажмурился, потому что глазам не поверил, опять их открыл – и снова не поверил. И принялся разглядывать свои следы.

Вот я, типа, не то волк, не то человек. То есть следы должен оставить или волчья, или человечески. Логично? Логично! Тогда с какого перепугу я оставлял вокруг себя какие-то перекрестные палочки?!

Да ведь это куриные следы... Я такие в деревне у бабушки видел. Но их оставляли куры или петухи. А я кто?!

Я тяжело вздохнул. До меня дошло, что быть оборотнем – это какая-то очень сложная штука. Гораздо сложнее того, что показывают в кино, скажем в «Гарри Поттере» или «Ван Хельсинге»!

Вот я, к примеру, почему стал оборотнем? Ну почему?!

Как это там сова говорила? Если есть в тебе волчья кровь, рано или поздно обернешься.

А может, потому, что моя фамилия Волков? Может, когда-то кто-то из моих предков и правда волком был?

Полный бред!

Нет! Ведьма же сказала, что меня *сделали* оборотнем. Кто? Дядя Вадя? Нет, он действовал по чьему-то приказу. Кто-то заставил его принести моим родителям оленьё мясо... Кто это был? Зачем ему нужно, чтобы я стал оборотнем? Да неужели я никогда ничего не пойму в этой истории?!

Я с размаху стукнул лапой по земле – типа, как будто кулаком шарахнул – и снова увидел куриный след.

Да, куриный, хоть тресни!

Наверное, я такие следы оставляю, потому что ни волк, ни пес, ни человек. Потому что оборотень...

И вдруг заметил неподалеку другой след: внизу треугольник стопы, а над ним четыре отпечатка как бы пальцев с когтями.

Небось такие следы каждый видел! Их собаки небось в каждом дворе оставляют, ну в песочницах, к примеру, на мокрой земле...

И все же этот след был немного другой. Как бы в кулак собранный. Беспокойный! Яростный!

Сам не знаю почему, я сразу понял – это волчий след!

Его кто оставил?

Не я... кто-то другой...

Не тот ли, кто смотрит на меня из чаши? Не тот ли, кто ко мне подкрадывается сейчас?!

Нет, уже не подкрадывается! Ко мне кто-то бежит, громко топя и... крича?! Это люди?!

* * *

Когда Пашка с Сашкой и Валя с Людой, невероятно довольные и веселые, вернулись из парка и вошли во двор, они увидели какого-то старикана.

В общем-то, они его и раньше встречали. Он жил в одном подъезде с Дохлым Тунцом.

Он был до того старый, что ребята каждый раз удивлялись, что видят его снова, что он еще не отправился к верхним людям.

Это Сашка в каких-то сказках, не то нанайских, не то якутских – ну, короче, северных, – прочитал такое выражение. Означает оно – коньки откинуть, дуба дать... помереть, словом. Клёвое выражение!

Короче, ребята каждый раз удивлялись, что этот дедок еще не отправился к верхним людям, такой он был замшелый.

Они торопливо буркнули хором: «Здрасьте!» – и только намылились мимо, как дедок прошамкал:

– Вы не видели Антона Волкова?

Какое-то время Сашка с Пашкой и Валя с Людой кумекали, кто это – Антон Волков. Наконец вспомнили, что раньше так звали человека, который ныне всем известен под кличкой Дохлый Тунец.

– Понимаете, – бубнил дедок, – я его утром на площадке встретил и попросил сходить в поликлинику – номер моего полиса поменять. Еще утром! Куда он с тех пор пропал?

Ребята переглянулись, разом сообразив, что видели Дохлого Тунца неподалеку от поликлиники. Практически через квартал от нее. Наверное, он побывал в поликлинике – а потом в парк пошел. И там зачем-то переоделся под горкой. Ну а одежду его...

Короче, понятно.

И тут ребята сообразили, что не посмотрели, что у Тунца было в карманах, когда свалили его барахлишко в пыльный пластиковый пакет и выкинули в мусорку. Может, там был полис этого старикашки. А теперь нет ни полиса, ни карманов, ни одежды Тунца, ни его самого.

Да, тяжело ему придется, когда надо будет соседу объяснять, где полис!

С другой стороны, это его проблемы. Не фиг было свое барахло где попало разбрасывать!

А может, он переложил дедкин полис в ту одежду, которую на себя напялил? Тогда и париться нечего!

Ребята переглянулись, потому что практически все подумали именно об этом. Им очень хотелось себя успокоить! И тут они заметили, что сосед Тунца смотрит на них очень пристально. И им показалось – конечно этого не могло быть на самом деле, но ведь показаться всякое может! – что он читает их мысли. И уже даже все прочитал.

Как-то стыдно стало...

Хотя чего они такого сделали?!

– Да, – укоризненно протянул дед. – Наворотили вы дел...

И все даже испугались – а ведь правда наворотили!

– Надо как-то все это исправлять, да?

– Да! – дружно кивнули ребята, мигом почувствовав несказанное облегчение оттого, что навороченное можно, оказывается, исправить.

И они с надеждой уставились на старика-соседа, как будто он был каким-нибудь там Дамблдором, который сейчас раз-раз, палочкой волшебной махнет, скажет: «Акцио, одежда Тунца!» – и она снова очутится под горкой в парке Кулибина.

Однако палочкой дед не махал и «акцио» не говорил.

Он приказал:

– Пошли, да поскорей! – и похромал со двора.

Ребята нога за ногу потащились за ним, размышляя о том, что все на свете относительно. Поскорей, главное! Да он движется медленней, чем черепаха! Да он полдня до парка Кулибина будет добираться!

Но тут начались какие-то странности. Всем отлично было известно, что в парк надо было направо повернуть. А они почему-то пошли налево. То есть дед побрел налево, а ребята как привязанные потащились вслед за ним. Они еле-еле двигались, ну вот честное слово, а между тем кварталы мелькали мимо с такой скоростью, как в кино! Что-то прямо невероятное... Ахнуть не успели, а уже перешли улицу Ванеева, углубились в какие-то дворы, потом бах – и

уже в самом конце Ошарской, и идут мимо каких-то гаражей, и старых домов, и поворота в Ветеринарный переулок, и кирпичного забора вокруг старинного-престаринного, самого старого в городе кладбища, которое называется Бугровское... От кладбища – опять же налево – круто спускалась в овраг трамвайная линия. Рельсы здорово заросли травницей и, такое впечатление, совершенно забыли, когда тут проходил последний трамвай.

Видимо, местное народонаселение пробиралось по узкой тропке. По обе стороны ее простирались – вот уж натурально! – заросли ясеня, больших деревьев и чахлой поросли, высоченной травы, сплошь оплетенной вьюнком.

Ребята снова повернули налево – этому уже никто не удивлялся – и оказались в каком-то овраге, среди высоченной травы.

Ого, как она пахла! Сыро, зелено... самую чуточку – какими-то цветами... землей пахло...

– А где этот... дед? – вдруг испуганно спросила Валя.

В самом деле – старик исчез.

– Зачем он нас сюда завел? – пискнула Люда. – Завел – и бросил!

Какие-то ужасы немедленно начали всем мерещиться. Главное, что они никак не могли вспомнить, откуда вообще пришли. То есть не представляли, каким путем вернуться.

– Мы все время налево поворачивали, – шепнул Пашка, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Значит, теперь направо!

– Пошли скорей! – скомандовал Сашка – и повернул налево.

– Ты куда? – закричали ребята, топчась на месте. Но как они ни силились, повернуть направо не могли при всем желании.

– Ладно! – крикнул Сашка, обреченно махнув рукой. – Сейчас немножко так пройдем, а потом все же повернем направо!

Они пытались, честно пытались – но напрасно.

Шли да шли. Постепенно трава сменялась древесными зарослями.

– Мы где?! – простонала дрожащим голосом Валя. – Пойдемте назад!

А куда там идти?! Тропинка почему-то исчезла. Впереди – да, впереди ее еще можно было разглядеть, а позади заросли сошлись так плотно, будто их заперли на ключ.

И вдруг невдалеке раздался вой.

Вообще там, в этом овраге, стояли, наверное, какие-нибудь старые частные дома, в которых запросто могли быть собаки. И почему бы одной из них не взять да не повыть на луну?

Да легко!

Но почему-то никто не поверил, что это выла собака. Почему-то все сразу подумали, что это волк.

Тут уж стало всем так страшно, что они, ничего не соображая, кинулись напролом в заросли – и вдруг увидели впереди полянку!

А на полянке стоял этот дед – сосед Дохлого Тунца.

Наконец-то! Он их выведет!

Ребята бросились было к старику, но вдруг остановились. Ноги дальше просто не шли! Какой-то невыразимой жутью веяло от этой одинокой фигуры, стоявшей посреди поляны, широко раскинув руки.

Еще там находился шалаш, перед шалашом – остатки поблекшего от времени и дождей кострища.

Старик делал руками какие-то странные движения, как будто манил к себе клочья тумана, которые выползали из чащи. Ну да, вокруг были уже не чахлые ясени, которые росли в овраге, а такие-ие деревьяща... могучие стволы, кроны которых смыкались в вышине. Небо неостановимо наливалось густой вечерней синевой, в которой засветился бледный круг полной луны.

И вдруг старик страшно взвыл, глядя на эту луну!

Если Валя не рухнула в обморок тут же, на месте, Люда не свалилась рядом, а Сашка с Пашкой не чесанули со всех ног в неизвестном направлении, то лишь потому, что всех сковало непонятное оцепенение.

Они взмокли, они похолодели от ужаса, внутри они орали и звали на помощь, однако не могли издать ни звука.

Только слушали голос старика, только смотрели на медлительные, но в то же время точные движения его рук. И слушали шелест, который доносился из чащи, – он становился все громче, все отчетливей.

Чудилось, это шуршат листья и трава под чьими-то крадущимися шагами...

Повинуясь движениям старика, серые клочья тумана поднимались то выше, то ниже, образуя странные фигуры.

Но постепенно полупрозрачные тени наливались темнотой, их очертания становились четче и четче. Это оказались четырехлапые тени – остроухие, хвостатые, со светящимися глазами.

Старик снова взвыл – и тени метнулись к нему, издавая ответный вой. В нем слышались радость и покорность.

Волки, это были волки!

Хотя вели они себя как обычные собаки... Они припадали к ногам старика и терлись о его колени. И подпрыгивали. Ставили лапы ему на плечи. И валялись в траве, как щенята, и повизгивали, выпрашивая его ласку, и лизали ему руки.

Старик опустил на корточки и гладил, снова и снова гладил волков. А они лезли, лезли на него со всех сторон! И ребятам чудилось, что на поляне клубится огромное темно-серое облако, пронизанное яркими вспышками волчьих глаз и источающее протяжный, леденящий душу вой.

И вдруг старик исчез. А над зверями поднялся на задних лапах огромный седой волчище! Он еще раз протяжно завыл, а потом повернулся – и уставился на ребят огненными глазами.

И все волки начали медленно поворачивать к ним головы...

Но тут оцепенение, которое сковало ребят, исчезло так же внезапно, как нахлынуло на них! Они разом повернулись – и, не разбирая дороги, кинулись прочь от поляны.

* * *

Я огляделся – куда бежать?! – но что-то меня удержало. Метнулся за куст, затаился.

И чуть не заорал, когда прямо на меня из чащи, громко топая, выскочили Сашка с Пашкой и Люда с Валец.

Заклятые друзья! Лучшие враги!

Как же они тут оказались?!

Ну и видок у них был... буераки, реки, раки, руки-ноги береги. А они не берегли, факт! Какого черта их сюда принесло? Глаза б мои на них не глядели!

И тут меня догадка будто камнем по голове ударила. Да ведь если эти лопухи ходячие здесь оказались, значит... значит, *грань лесная*, о которой говорила Гатика и через которую мне надо перебраться, чтобы спастись, где-то рядом! И надо только спросить у этих придурков, откуда они пришли!

И я без раздумий вылетел из-за куста.

И аж попятился – такой звуковой волной в меня ударило.

Ох, как они при виде меня завопили! Я чуть не оглох! И со злости рявкнул на них что есть мочи.

Они так и замерли. Прижались друг к дружке, тарашатся на меня и трясутся!

– Еще один, – простонала Люда. – Я не могу... куда же нам теперь бежать? Здесь волк, сзади волки... Они нас сожрут!

– Это не волк, – буркнул Сашка, внимательно меня разглядывая. – Это пес. Я его где-то уже видел, точно!

– Да ведь это он на нас прыгнул в парке Кулибина! – завопил было Пашка, но оглянулся на лес и зашептал: – Он ветку сломал, а потом за кошкой помчался!

– Да ну, брось, – сказала Валя. – Это просто совпадение. С какой радости он здесь оказался?

«Хороша радость! Это для вас была радость, когда вы мои вещи выбрасывали, а для меня – засада, каких свет не видел!»

– Как темно... – простонала Валя. – Неужели нам всю ночь придется тут бродить?! Интересно, который сейчас час?

– Без четверти одиннадцать, – ответил я.

Мне не нужны были часы, чтобы знать время. Я просто посмотрел на луну. Знающие люди смотрят на солнце – и по его положению на небе могут довольно точно определить время. А луна – солнышко оборотней...

Я сам не понимал, откуда это знаю. Это моя новая суть дала мне знания!

И от них было страшно...

Вдруг меня аж в жар бросило: а что, если дар человеческой речи мною утрачен? То, что в ведьминой пещере с совой или Гатикой говорил, не в счет – они же тоже не люди!

Но, судя по выражениям лиц моих заклятых друзей, они меня отлично поняли!

Люда плюхнулась на пятую точку – да так на ней и осталась. Валя метнулась за спины Сашки и Пашки, но толку от этого было мало: во-первых, она торчала из-за них, как удочка из-за плеча рыбака, а во-вторых, Сашка с Пашкой и сами друг за дружку пытались спрятаться.

То есть, типа, страшно им видеть говорящего зверя!

А пакостить мне не страшно?!

– Вы одежду зачем в мусорку выбросили? – спросил я.

Они тихо взвыли – дружным слаженным хором.

И снова умолкли.

– Вас же русским языком спрашивают! – сердито сказал я. – Зачем одежду в мусорку выбросили? Да еще и ржали, как кони в поле! Весело вам было? Яму вырыть ближнему своему – это вам в кайф!

Сам не знаю, откуда эта «яма ближнему своему» мне на язык вспрыгнула.

А, вспомнил! Дядя Вадя жаловался на своего соседа, с которым вечно ссорился из-за того, где машину во дворе ставить, а потом на соседскую машину, поставленную на дяди-Вадино место, упала с крыши огромная сосулька, и дядя Вадя сказал: мол, не фиг рыть яму ближнему своему, сам в нее попадешь!

Я тогда еще подумал, что сосед на самом деле дяде Ваде услугу оказал, приняв удар на себя, а он все наизнанку вывернул.

Дядя Вадя... при воспоминании о нем я чуть не зарычал. Он ведь и сам вырыл мне яму, да какую! Ну доберусь я до него, до предателя!

Мысли эти на какое-то мгновение меня отвлекли, и за это времечко ребята немножко очухались. Приняли, так сказать, правила игры!

Если вас приглашает на беседу говорящий зверь – отвечайте ему, как воспитанные люди!

– Мы никакую яму не рыли... – проблеял Сашка, и остальные подпели жалкими голошишками:

– Не рыли... она уже была вырыта... там, где пес на нас прыгнул... мы тут ни при чем, честно!

Я чуть не расхохотался – в таком ступоре от ужаса они были. Но, наверное, вид хохочущего пса совсем бы их с ума свел.

Кстати, а почему они меня упорно за собаку принимают? И почему вообще я лаять умею, если от волка произошел?!

Загадка... а спросить разгадку не у кого. Да и не до того сейчас.

Смех я сдержал. Сводить с ума ребят мне было не с руки. В смысле не с лапы. Потому что, если они чокнутся, кто мне путь к спасительной лесной грани укажет?

– Слушайте, вы, друзья детства, вы мне здорово напакостили. Из-за вас я завис в этой шкуре. Если не хотите, чтобы я вас тут загрыз, быстро колитесь: как вы сюда попали? Какой дорогой пришли?

– Да ты кто такой? – взвизгнул Сашка, делая какие-то странные движения перед лицом.

Да ведь это он перекреститься пытается, только не знает как! А Валя выставила вперед руку и смешно грозила мне растопыренными пальцами.

Ах вот оно что... на одном из них серебряное колечко...

Но, наверное, на оборотней серебро не слишком-то действует. Ну, серебряная пуля или, там, аналогичный кол – еще куда ни шло, а просто колечком помахать – ерунда на постном масле.

– Кто я такой? Скажу – не поверишь! – рявкнул я. – С ума сойдешь! Быстро говорите, как сюда прошли, не то...

И оскалил зубы.

Со стороны я себя, дело ясное, видеть не мог, но, наверное, выглядел как надо и должное впечатление произвел. Кажется, Людка вообще уже в обмороке!

А у Сашки вид был как у зомби, который ничего не понимает. Он как-то механически открыл рот и, постукивая от ужаса зубами, издал целый ряд не слишком членораздельных звуков:

– Бзлусьитерьямиезнмдрогинзд!

Пришлось включить мозг. Призвав на помощь всю свою сообразительность, я не без труда сложил фразу: «Мы заблудились, и теперь сами не знаем дороги назад!»

Ах, они не знают дороги?! Мало того что одежду мою выбросили, лишили возможности обратиться человеком, так еще и вывести меня отсюда не могут?!

У меня явственно зачесались зубы и когти. Вот теперь я в самом деле почувствовал себя не человеком, а зверем. Да, та злоба, что темной волной захлестнула мою душу, была воистину звериной злобой...

Ох, как же я их ненавижу, всех четверых! Как же я ненавижу – этих безжалостных, глупых, жестоких придурков! С каким бы наслаждением я вонзил клыки в их глотки! С какой бы радостью рвал их на куски! Я с удовольствием сожрал бы их! В конце концов, я ведь ничего не ел чуть не сутки! Самое время уже и перекусить, чтобы сил набраться! И вот она, еда – сидит передо мной и трясется от ужаса. У моих жертв не хватит сил мне противиться! Где им, трусливым, слабым, глупым! Эти жалкие человеческие детеныши – всего-навсего добыча для зверей. Всего-навсего еда!

Я слотнул слюну и приготовился к прыжку. Еще секунда – и я...

...И я внезапно замер, потому что не то увидел, не то почувствовал какую-то серую тьму с огненными глазами, которая летела сюда – бесшумно, не издавая ни звука, словно берегла силы для последнего броска.

Волчья стая! Сюда летит волчья стая!

Им нужны были эти человеческие детеныши.

Мои заклятые друзья! Мои лучшие враги!

Сашка с Пашкой и Валя с Людкой.

Я посмотрел на них. Я понимал, что вижу их в последний раз. Сейчас от них кровавые ошметки полетят. А потом волки доберутся до меня! Говорила же карга, что они ненавидят оборотней!

Надо резко делать ноги. В смысле лапы!

Я попытался, честно.

Но не смог.

Сейчас я был не человеком и не волком. Сейчас я был псом, который почувствовал, что людям грозит опасность. А его – мой! – долг – защищать людей...

Как защищали людей его – мои! – предки еще в незапамятные времена.

Таков инстинкт пса. И я ничего не мог с этим инстинктом поделать!

Ох, как я их всех ненавидел! Я их ненавидел до того, что готов был жизнь за них отдать...

Ничего не понимал, что со мной происходит. Но не мог иначе!

– Вы, придурки, живо лезьте на деревья, да повыше! – приказал я хриплым от ненависти голосом. – И сидите там, пока стая не уйдет. Понятно?

Они не шевельнулись.

– Нет-нет-нет, – пробормотал Сашка чуть слышно. – Мы сошли с ума. Или спим. Может, в том овраге росла какая-нибудь трава. Дурман. Белена. Не знаю какая! И мы нанюхались. И нам все это только кажется. Или все-таки мы сошли с ума.

– Ага, еще спойте, как фрекен Бок! – рявкнул я. – «А я сошла с ума! А я сошла с ума!»
Слушайте меня! Тогда, может, спасете свои дурацкие жизни!

– Да ты кто такой?! – возопил Пашка, чуть не плача.

– Антон Волков, – буркнул я. – Не узнали?

Они разом поморгали своими вытарашенными глазками. Такое ощущение, что это имя они впервые слышали!

Ну конечно! Сколько лет прошло с тех пор, как они меня так называли!

Они мне не верят. А если не поверят, то погибнут...

Я не мог этого допустить, чтоб они все провалились!

– Помните, когда я пошел во французскую школу, то рассказал вам, что по-французски «тунец» – un thon, ан тон? И вы с тех пор стали звать меня Дохлым Тунцом? Я живу во втором подъезде, в тридцатой квартире.

– Тунец? – прошептал Пашка.

– Дохлый Тунец?! – прошептал Сашка.

Валя и Люда пошевелили губами, но мне некогда было ждать, когда они все меня поименуют.

– На деревья! – рыкнул я, да так грозно, что сам себя испугался. – Скорей!

Их словно ветром подхватило. Такого проворства я даже не ожидал, честно! Ну ладно, мальчишки, ну ладно, Валя с ее длиннющими нижними конечностями, – но ведь даже толстенная Людка проворно заскочила на высоченное дерево, будто ее подпнул кто-то!

– А ты как же, Антон?! – вдруг спросил Сашка, свесившись с ветки.

Я не успел бы ответить, даже если бы захотел.

Серая тьма вырвалась из леса, клубясь и сверкая красными лютыми огнями.

Да, это были волки...

Я стоял один против них всех.

Господи Боже... Мамочка!

Как же их много!

Охота было удрать, и подальше, но я сжался в комок и тихо рычал, бегая глазами по узким серым мордам и выбирая первого, на которого прыгнуть.

Но они времени не дали выбрать!

Они ринулись вперед все разом!

Меня опрокинула серая масса. Звериные зубы впивались в меня, и вот уже один волчище вскочил мне на грудь и с ненавистью глянул в глаза, прежде чем перервать мне горло.

Вспышка между нашими взглядами!

Его вдруг словно отбросило!

И я почувствовал, что все волки отпрянули от меня.

Я кое-как поднялся... стоял, шатаюсь, чувствуя, что все тело у меня уже искусано и терпеть боль нет сил.

А крови не было. Как раньше. Ну хоть кровью не истеку, и на том спасибо.

Но если волки передумают...

Но они не передумали. Они вели себя как-то странно... они пятились к лесу, всасывались в него и исчезали. Остался только тот волк, который чуть меня не загрыз.

Он лег на землю и положил голову на передние лапы. Вид у него был ошарашенный – и в тоже время виноватый.

Изредка он поглядывал на меня исподлобья – и тут же отводил глаза, словно мой взгляд его обжигал.

И еще там был один волк... огромный, белый... даже странно, что я его раньше не заметил.

Он смотрел на меня вприщур, но нижняя челюсть его странно двигалась. Сначала, с перепугу, я подумал, что, может, он что-то жует... может, какую-то часть меня уже отгрызли и он ее теперь пережевывает... Я даже быстренько оглядел себя украдкой, но волк как-то странно заскрипел, и я понял – он смеется! Смешно ему!

Потом белый волк пристально поглядел мне в глаза своими очень яркими желтыми глазами – как будто позвал куда-то.

Я не хотел идти, но пошел. Такой это был взгляд, что невозможно было противиться.

И вслед за нами потащился этот серый, который меня загрызть передумал.

Мы вошли в чащу. Я хотел оглянуться – как там ребята? – но побоялся, что волки поймут по моему взгляду, где они, и вернуться. А так, может, ребята смогут спуститься и удрать...

Ладно, хоть они спасутся. Может, маме скажут, где я и что со мной...

Ох, нет, лучше не надо!

Вдруг я услышал плеск. Ручей лесной? Ох, как запахло свежестью, как я захотел пить – до одури! Чуть с ума не сошел от жажды! И кинулся вперед, и выскочил на полянку. Это был травяной бережок узехонькой речки, бежавшей по светлым камешкам неглубокого дна.

Я припал к игривой, веселой, скачущей воде. Наконец напился. Выпрямился – и увидел, что оба волка сидят чуть в стороне. Словно вежливо ждут, когда я напьюсь.

Белый опять на меня посмотрел – словно позвал.

Я подошел и сел рядом.

Они, оказывается, устроились над небольшой тихой заводью – ее образовывал ручеек, забегая под оголенные корни старого дуба. Там, под этими корнями, наверное, было довольно глубоко, вот вода и успокаивалась.

В темном живом зеркале отражались трава, низко свесившиеся ветви дерева – и мы, все трое.

Волки смотрели в воду так пристально, словно хотели дно разглядеть. И я тоже туда уставился.

Не помню, сколько времени мы так сидели. Но я внезапно заметил, что на самом деле в воде отражается только один волк. Тот самый, который меня чуть не загрыз, а потом передумал.

Один волк и... два человека.

Два человека!

Я! Не оборотень, не волк – Антон Волков, он же Дохлый Тунец.

А рядом со мной – Ликандр Андронович.

Наш сосед!

* * *

Я чуть в воду не свалился...

Покосился на свою грудь и лапы, потом оглянулся – я, по-прежнему в серой с пятнами шкуре, и белый желтоглазый волчище сидит рядом со мной.

Посмотрел на отражение – я нормальный, и желтоглазый Ликандр Андронович тоже...

Смотрит на меня с усмешкой.

Что такое? Еще одно кривое зеркало, кривое мерцало?! Заводь тоже всякие чудеса показывает?

– Что это значит? – прохрипел я, глядя на отражение своего соседа. С человеком мне, понятно, проще было говорить, чем с волком! – Вы кто?!

– Вежливец, – ответил он.

– Ну да, это ваша фамилия, я знаю, но я спрашиваю – вы кто?! Почему все это...

– Я тебе и объясняю, кто я, – перебил сосед. – Ликантроп Ведающий, таково мое настоящее имя. Но люди со временем переименовали его на свой лад. Им так удобней произносить.

– Люди? – выдохнул я. – А вы... кто?

– Неужто сам не видишь? – усмехнулся он. – Ликантроп⁶, что на древних языках означает человек-волк. Проще говоря, оборотень. Такой же, как и ты. А Вежливец... на самом деле надо говорить – Ведливец. Ведливый – ведающий – то есть знающий. Женщина – ведунья, мужчина – ведливец.

– Женщина – ведьма, – крикнул я, сразу вспомнив сову. – Мужчина – злой колдун!

– Отчего же непременно злой? – удивился Ликандр Андро... в смысле этот, как его.

– Да разве добрый человек станет волком?!

– Ну ты же стал. А разве ты злой?

– Меня заколдовали! Заколдовали!

– Не заколдовали, а призвали, – ответил он спокойно. – Так же как меня в свое время.

– Призвали? – хлопнул я глазами. – Кто призвал?!

– Невры.

Опять это слово! О **неврах** говорила и сова... Значит, **невры** тут ни при чем...

– Судя по твоему виду, ты о неврах ничего не знаешь, – сказал Ликандр... то есть Ликантроп. – А между тем о них писал еще Геродот.

– Это вроде бы историк такой? – напряг я извилины. – Скифы, то-се...

– Верно. Великий Геродот писал о скифах, скелотах, а также и о неврах – жителях древнейшей страны Невриды. Они жили близ Западного Буга и Припяти – примерно там, где теперь находится Белоруссия. Предания гласят, что именно невраы остановили скифского царя Арианту, властителя Северного Причерноморья. Покоритель многих земель сгинул в этом походе, где ему противостояли не простые люди, а оборотни. Геродот был уверен, что раз в год каждый невр превращается на несколько дней в волка, а потом снова принимает человеческий облик. На самом же деле только ведуны, стражи племени и воины владели даром оборотничества.

Жизнь невраов в тех краях была очень трудной, и вот однажды некий молодой вождь увел часть племени в более южные и более плодородные земли. Те невраы, которые остались в прежних краях, постепенно все обратились в волков. Ушедшие роднились с другими племенами, и оборотничество постепенно забывалось... Эта способность сохранилась лишь у немногих, да и они порой не ведают о своем тайном даре. Он пробуждается лишь тогда, когда необходимо помочь людям или защитить их.

⁶ Слово «ликантроп» происходит от двух древнегреческих слов: *ликос* – волк, *антропос* – человек.

– Ну так ведь вы сказали, что племени невра больше нету, – перебил я. – Какие ж тут могут быть потомки?

– Потомок – это не обязательно сын или внук, – улыбнулся Ликантроп. – Потомок – это может быть прапрапраправнук в десятом или даже сотом колене. Понимаешь, Антон, невозможно перестать быть невра. Можно об этом не знать, но не быть им – нельзя.

– То есть я, типа, невр? – хмыкнул я недоверчиво.

– Это именно так, – кивнул Ликандр.

– А по какой линии, материнской или отцовской?

– Отцовской.

– Значит, мой папа тоже невр? – недоверчиво протянул я. – И он тоже волком оборачивался? Слабо верится...

– Если ты говоришь про Григория Васильевича, – сказал Ликантроп, – то он всегда был и будет человеком. Никто из его предков не принадлежал к племени невра.

– Вы что?! – так и взвился я. – Он не принадлежал, а я принадлежу?! Вы что, хотите сказать, что он мой не родной отец?! Да я на него похож – вылитый!

И осекся. Вдруг в памяти зазвучало уханье совы-карги:

«Если женщина поест мяса того зверя, которого убил волк, а потом у нее ребенок родится, то и он тоже рано или поздно, когда час его пробьет, волком взвостит и в шкуру оденется. Твоя матушка мяса поела. Потом тебя и родила. Два отца у тебя: один – человек, другой – волк. Как же тебе было не обернуться?!»

– Вижу, вспомнил, что тебе Ноктуа говорила? – понимающе кивнул Ликантроп.

– Мне это ведьма говорила! Сова! – возразил я. – Какая еще Ноктуа?

– Имя ведьмы – Ноктуа⁷. На одном из древнейших колдовских языков это и значит – сова. Я сразу вспомнил Гатику. И вдруг спохватился:

– А откуда вы знаете, что мне говорила сова... ну, эта Ноктуа?

– Да ведь я ведливый, – усмехнулся Ликантроп. – Ведомо мне много.

– И небось ведаете, кто тот волк... и почему я вообще... зачем... и как мне обратно... обратно как...

Язык у меня заплетался от волнения и страха.

Знает ли он, как мне обратно вернуться? Как человеком снова сделаться? Наверное, знает, если такой уж ведливый, как уверяет. Но скажет ли мне?..

– У твоего предка-невра, который в незапамятные времена навсегда обернулся волком, – спокойно, словно сказку рассказывал, начал Ликантроп, – через тысячелетия появился потомок по имени Герро. Волк, который и сам не знал, что в числе его предков были люди. Память о прошлом дремала в его крови. Однако у его сына по имени Ярро она обострилась. Его мать Барра – собака, сбежавшая от людей. Поэтому, кстати, ты умеешь лаять и на шкуре у тебя белые пятна. Ярро думал, что ненавидит человека за обиды, нанесенные матери, а на самом деле он ощущал желание служить человеку, заботиться о нем – и, чувствуя свое родство с ним, быть рядом с ним в той битве, которую и по сей день ведут потомки невра со своими исконными врагами – чудовищными колдовскими тварями, потомками Ехидны.

– К-кого-кого?! – от изумления я начал заикаться.

– Да-да, не удивляйся, – кивнуло мне отражение Ликантропа. – По преданию, скифы были порождены Ехидной – наполовину девой, наполовину змеей. Некоторые из них тоже стали чудовищными злыми колдунами и ведьмами – такими как Ноктуа. Эти твари, сохранившие и в мире мертвых страшные змеиные способности своей праматери Ехидны, иногда, в определенные промежутки времени, закономерность которых зависит от многого, в том числе и от звездных течений, ополчаются против своих бывших врагов. Им все равно, что вокруг них

⁷ Ноктуа (лат.) – сова.

давно живут люди из других племен. Именно поэтому их козни распространились на целую планету... И колдуны-невры теперь в ответе не только за своих потомков, но и за весь род людской. Своим колдовством, унаследованным от Ехидны, чудовища вызывают ураганы, губят урожаи и леса, выводят реки из берегов, обрушивают на землю разъяренные морские волны, колеблют землю и даже небеса, мутят людям рассудок и вызывают неуемную жажду крови. Человечество убеждено, что это стихийные бедствия, аварии или техногенные катастрофы, разгул преступности, а на самом деле жизнь на Земле отравляет это древнее скифское колдовство! И если бы не ведливцы-невры, которые призваны охранять людей, очень возможно, что человечество давно бы погибло...

– Вы что, хотите сказать – это они меня... меня тоже... они...

Я заикался, бекал и мекал. А кто бы на моем месте не заикался, не бекал и не мекал, если бы узнал, что он, типа, призван человечество спасти вместе с какими-то там неврами?!

– Да, ты призван, но пока только к испытанию, – кивнуло отражение Ликантропа Ведливца. – Так мы поступаем со всеми новичками-неврами.

– К какому испытанию? – осторожно спросил я.

– Скоро расскажу.

– А Ноктуа – она, значит... она что, из потомков Ехидны? – предположил я, стараясь не поворачивать голову и смотреть только в воду, чтобы разговаривать не с волком, а с существом, хотя бы внешне похожим на человека.

– Ты угадал, – снова кивнуло отражение моего собеседника. – Она обладает страшным могуществом, кое в чем даже сильнее меня. В своем зеркале-мерцале она видела каждый мой шаг... именно поэтому отправила Гатику следить за тобой. Она очень хотела завладеть тобой и покрепче привязать к себе. Даже ценой страшного предательства.

– Дядя Вадя... – проскрежетал я зубами. – Как он мог! Ведь он папин родственник! А волосы мамины ведьме принес! Предатель!

– Это лишь одно из его злодеяний, – сурово проговорил Ликантроп. – Именно на него набросился – но не смог убить – Ярро. Однако этот человек убил волка, который его пощадил. Да еще и запечатлел свое предательство на фотографии, а потом вставил этот снимок в свою книгу, решив похвалиться предательством перед другими людьми. Кроме того, не забывай: именно он отдал мясо оленя, убитого Ярро, твоим родителям. Именно он, по сути дела, сделал тебя оборотнем. Так что волосы, принесенные ведьме, – это всего лишь один шаг в череде других шагов, которые он совершал, идя по пути, проложенному для него ведьмой Ноктуа.

И я снова вспомнил слова совы: «Если он убил пощадившего его – человека ли, зверя, – навеки проклят будет, навеки силам зла душу отдал, теперь он легкая добыча!»

– Погодите, я не понимаю... – растерялся я. – Говорите, путь для него прокладывала Ноктуа? Но я помню, она сказала: «Теперь из него, как из глины, любой колдун или ведьма лепить может что хочет. Хоть дурное, хоть хорошее. Кому понадобится слуга – для того и добыча». Почему же вы не опередили ее? Почему не образумили дядю Вадю? Почему не начали лепить из него только хорошее?

– Потому что именно от него в свое время сбежала Барра, потрясенная его жестокостью. Он стал жертвой зла еще тогда, когда утопил ее детей. С той минуты он стал слугой других сил – тех, с которыми я пытаюсь бороться.

– Вы просто не стали с ним связываться, да? – зло спросил я. – Или не захотели? Но вы ведь знали, сколько зла он совершит! Знали, что меня сделает оборотнем! Почему его никто не остановил, не наказал?

– Ты поймешь это очень скоро, – сказал Ликантроп. – Если не поймешь сам, я тебе объясню немного позже. А пока о мести. Ты можешь отомстить этому человеку за все. Расправиться с ним.

– Как это? – хлопал я глазами. – В полицию на него заявить, что ли? Или маме с папой рассказать, что он натворил? Но для этого надо сначала человеком сделаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.